

Михаил Тырин

Последняя тайна осени

Часть сборника
Тень Покровителя (сборник)

Михаил Юрьевич Тырин

Последняя тайна осени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184752
Михаил Тырин. Тень Покровителя: Эксмо; Москва; 1997*

Аннотация

«Осень только начиналась, а дорожки в парке, чашу старого фонтана и газоны уже завалили желтые листья. Васин шел через парк, слушая тайный шорох листвы под ногами и вдыхая запах, которому оставалось витать в воздухе совсем недолго. До тех пор, пока дворники не соберут опавшие листья в большие кучи и не запалят костры. Тогда будет пахнуть дымом. Дым – это тоже запах осени, но листья пахнут приятнее...»

Михаил Тырин

Последняя тайна осени

Осень только начиналась, а дорожки в парке, чашу старого фонтана и газоны уже завалили желтые листья. Васин шел через парк, слушая тайный шорох листвы под ногами и вдыхая запах, которому оставалось витать в воздухе совсем недолго. До тех пор, пока дворники не соберут опавшие листья в большие кучи и не запалят костры. Тогда будет пахнуть дымом. Дым – это тоже запах осени, но листья пахнут приятнее.

«Если бы здесь сейчас был постовой милиционер, – подумал Васин, – он подошел бы ко мне и сказал: по газонам ходить запрещено. А я бы достал удостоверение: успокойся брат, я свой, и не в этом даже дело... Сейчас все свои, потому что пришла осень, а опавшие листья нужны только для того, чтобы ходить по ним, слушать их шорох, вдыхать ароматы...»

Осень всегда была для Васина загадкой. Еще ребенком он подбирал опавшие листья, долго вертел их в руках, разглядывая, пытаясь понять, почему яркий зеленый лист так внезапно наливаются желтизной. Он смотрел в небо и удивлялся – отчего солнце стало тусклым? Может, оно просто прогорело, как костер? Или мокрые дождевые тучи остудили его?

Он вырослел, читал книги, учился в школе, и тайны пе-

реставляли быть тайнами. Чтобы узнать, отчего желтеют листья, нужно понять, почему они прежде были зелеными. А для этого следовало изучить обмен веществ, свойства хлорофилла и так далее, и так далее... Так умирали тайны – одна за другой.

Но осень оставалась осенью. С годами Васин понял, что осень для него становится временем перемен. Осенью он пошел в первый класс. Осенью начал учиться в институте. Потом его призвали в армию, демобилизовавшись, он устроился на работу, женился – почему-то все это происходило тоже осенью.

Может, поэтому его так волновал запах преющей листвы? Всякий раз, срывая с календаря последний лист лета, Васин начинал томиться привычным ожиданием: вот сейчас все изменится, сейчас что-то произойдет и начнется другая интересная жизнь...

Но чем старше он становился, тем меньше традиционных «осенних» событий случалось в его жизни. Последним из них был развод с женой. Он выпал на сентябрь...

Парк кончился. Васин пересек площадь и вошел в двери массивного четырехэтажного здания предвоенной постройки. До конца отпуска оставалась еще пара дней, но он не удержался от соблазна заглянуть на работу. Не удержался, хотя прекрасно знал, что ничего тут не изменилось, все по-прежнему, разве что поменяли фотографии на Доске почета или побелили потолки в кабинетах.

Так всегда бывает. Спешешь в свой город после долгих странствий, торопишься увидеть привычные, знакомые места, надеясь в глубине души, что они стали лучше... А когда приезжаешь – с разочарованием видишь, что город даже не заметил твоего отсутствия и остался точно таким же. Осень – время перемен в жизни людей, а не городов.

Сержант на входе оторвался от журнала и удивленно посмотрел на Васина.

– Привет, Саша! Ты что, из отпуска?

– Ага, – безмятежно ответил Васин.

– То-то я смотрю – загорел как...

Теперь наверх. По истертой лестнице, которую Васин мерила ногами не одну тысячу раз. Он не успел миновать и двух пролетов, как из-за угла вырулил Владик Пухов из «противоугонного» отдела.

– О! – воскликнул он. – Здорово! Ты откуда такой загорелый? Из отпуска?

– Как ты догадался?

– Работа такая.

– Понимаю... Что у вас новенького?

– Да так... Ничего. Работаем.

– Я так и знал. Ну, работайте...

На третьем этаже, где были отведены помещения и кабинеты отделу уголовного розыска, к счастью, оказалось безлюдно. Васин был не в настроении объяснять каждому встречному, почему он «такой загорелый» и отвечать всем

«да, из отпуска». Он задержался на мгновение перед дверями своего кабинета, из-за которых доносился нервный визг принтера, но все-таки решил сначала показаться начальнику, а потом уж все остальное.

Михалыч был для Васина не просто начальником, а еще и старым приятелем. Когда-то они вместе учились в Академии, а затем один начал опережать другого в прыжках по должностям. Васин не переживал по этому поводу. Служебная лестница – дело скользкое, и каждый сам решает, с какой скоростью и какими методами ее преодолевать.

Дружеских отношений они не потеряли, но Михалыч постоянно просил Васина не называть его на «ты» при подчиненных и посторонних. Васин всякий раз соглашался, однако не мог пересилить себя. Его просто разбирал смех, когда он говорил «здравствуйте, Юрий Михайлович» своему старому приятелю, с которым столько было пережито и выпито. Михалыч злился, считая, что Васин этим тлетворно действует на его авторитет и субординацию в отделе.

Васин Михалыча уважал. Хотя бы за то, что тот не спросит «почему ты такой загорелый». Он – старый сыщик – сразу поймет: загореть на такой собачьей работе можно только в отпуске. Правда, на сей раз у Михалыча не было необходимости проявлять чудеса смекалки: он был начальником Васина и прекрасно помнил, что через два дня у того кончается отпуск.

– Что так рано? – спросил Михалыч, протягивая руку. –

Тебе, если не ошибаюсь, еще два дня гулять.

– Да вот... Не удержался. Пошел на вокзал сестру встречать, а поезд опаздывает. Два часа убить надо – дай, думаю, зайду...

– Соскучился, значит? Как отдохнул?

– Прекрасно! У деда на огороде хорошо отдыхается.

– Я и смотрю, загар у тебя не пляжный.

– Все правильно. А у вас-то как дела?

– Помаленьку. Как обычно: ловим – сажаем, ловим – сажаем...

– А еще?

– «Квартирникам» дали две единицы за счет местного бюджета...

– А нам?

– А вас, «убойников», и так достаточно.

– Не скажи, Михалыч...

– Да ладно... Стручков перевелся в участковые – вот тебе еще новость.

– Из-за квартиры?

– Конечно. Легко ли – с двумя детьми в общежитии? – Михалыч отодвинул в сторону спичечный коробок, будто избавляясь от этой грустной темы. – Ты говоришь, сестру сегодня встречаешь? Откуда же?

– Из Берлина.

– О-о!

– Сестренка у меня не промах. Два курса иняза закончила

и поехала на практику в Германию. Конкурс был двенадцать человек на место, а она вот...

– Молодец. Выпить небось привезет. Чего-нибудь вкусенького, а?

– Надеюсь, догадается.

Васин посмотрел на часы, встал.

– Пойду я, Михалыч, с ребятами повидаюсь.

Он пересек коридор толкнул дверь своего кабинета. Это был не просто кабинет. Это был штаб, где принимались самые важные решения. Это был очаг, к которому они возвращались после самых трудных заданий и командировок. Это была таверна, где иногда они отмечали свои маленькие радости и победы. Одним словом, для каждого это был второй дом. Как и в любом доме, здесь бывало всякое – и хорошее, и не очень. Но стены их второго дома были привычны и надежны.

Сейчас в этих стенах сидел только один человек.

– Привет, Никита, – сказал Васин.

Никита оторвался от экрана компьютера, поправил очки, торопливо пригладил светлые мягкие волосы и только после этого улыбнулся всем своим пухлым лицом.

– Саша! Ты уже из отпуска?

– Почти.

Васин прошел в глубь кабинета и с неудовольствием заметил, что на его столе стоят кружки с недопитым чаем, пепельница, валяются смятые бумажки.

Впрочем, стол был не совсем его. Когда в одном крошечном кабинете «прописано» девять человек, понятие «свой стол» теряет всякий смысл.

– Ты загорел, – отметил Никита.

– Еще бы – целый месяц у деда в деревне.

– А где у тебя дед?

– В Курской области. Я почти каждый год у него – то с косой, то с мотыгой.

– И что, даже на рыбалку не выбрался?

– А я и не любитель, ты же знаешь.

Васин сел за стол, отодвинул грязные кружки, вернул на привычное место телефон.

– А ребята где?

– Сегодня спортивный день. Меня дежурить оставили.

– Еще бы... С твоей комплекцией, Никита, ты будешь вечным дежурным. Сгоняй жир, пока не поздно. Не надейся за компьютером отсидеться. Придет время и зачеты сдавать.

Никита печально улыбнулся. Он не обижался на шутки и замечания в адрес своего телосложения. «Я не ребенок и не женщина, – говорил он, – чтобы стесняться своего веса».

Васин набрал номер справочной вокзала.

– Здравствуйте, а поезд из Бреста... Как, еще на час? Извините, спасибо...

– Кого из Бреста ждешь? – поинтересовался Никита, когда Васин повесил трубку.

– Сестричку свою ненаглядную, – вздохнул Васин. – Едет

из Германии через Брест. Лучше бы через Москву поехала.

– Из Германии, – удивился Никита.

Васин встал, прошелся по кабинету. Здесь ничегошеньки не изменилось. Хоть бы календари новые повесили...

– Значит, ребят я не увижу, – проговорил он. – Пойду хоть Тотошку проведу.

– Ты когда на работу?

– Скоро, – ответил Васин уже в дверях. – Через пару дней.

Тотошкой он называл веселое и жизнерадостное существо, которое состояло в отделе на должности секретаря-стенографистки. По паспорту она была Татьяной, но опера почему-то называли ее Таткой, а вот Васин – Тотошкой.

Она была очень молодая, подвижная, голосистая – как школьница. Но с мужчинами старалась вести себя официально. Называла всех по имени-отчеству, делала серьезное и строгое лицо, неумело маскируя бесхитростную девичью улыбку. За этим было очень забавно наблюдать.

– Здравствуйте, уважаемая Татьяна Егоровна! – манерно произнес Васин. – Привет, Жора.

Последнее относилось к личному водителю Михалыча. Он постоянно торчал в канцелярии, болтал о чем-то с Тотошкой, всячески мешая ей работать. На каждого входящего он смотрел с большим неудовольствием.

Однако сейчас Жора смягчился и даже соизволил спросить у Васина:

– Ты из отпуска?

– Ой, здравствуйте, Александр Николаевич, где это вы так загорели? – радостно зашебетала Тотошка, но тут же одернула себя.

– Вы, наверно, на юге были? – продолжала она, и голос ее теперь звучал на пять тонов ниже – взрослее и солиднее, как ей казалось.

– Да, милая, на юге, – улыбнулся Васин.

– Ой, а где? В Крыму?

– Нет, в этом году я отдыхал в Калифорнии.

– В Калифорнии!?! – изумилась секретарша.

– Да... Искупался в море, позагорал... Пару раз ездил на тигров охотиться. В общем, ничего особенного.

– Калифорния, – зачарованно повторила Тотошка.

Жора, который до этого момента лишь возмущенно тарасил глаза, вдруг взорвался:

– Да кого ты слушаешь! – заорал он. – Врет и не покраснеет. Какая Калифорния! У него денег не хватит до ближайшего санатория доехать! Калифорния!

Васин скромно потупился.

– Знаешь, за что я тебя люблю, Жорик? – сказал он. – За безупречное чувство юмора. И за догадливость.

Васин повернулся к двери, но потом добавил.

– Кстати! Это тебе для общего развития пригодится. Запомни: в Калифорнии тигры не водятся.

Итак, день начинался превосходно! Поезд опоздал, с ребятами повидаться не удалось – не считая Никиты, да еще и

Жорик со своей жадой правды...

Васин побрел по коридору, раздумывая, как употребить оставшееся до поезда время. Он бы непременно придумал что-нибудь стоящее, но вдруг столкнулся с Михалычем, вылетевшим как вихрь из своего кабинета.

– Ты еще здесь?! Слава тебе, Господи! Хорошо...

Васин насторожился, не понимая причин такой радости.

– Саша! Выручи не в службу, а в... В эту...

– Что случилось? – осторожно поинтересовался Васин.

– У тебя время есть еще?

– Есть немного.

– Выручи. Съезди на Вологодскую. Там какого-то бедолагу током в гараже убило. Съезди, проверь, посмотри.

– Кто убил? – Васин решил разыгрывать дурачка.

– Да никто не убил. Несчастный случай.

– Если так, то мы тут при чем?

– Да не знаю я... Там участковый что-то лопочет в трубку, толком ничего не ясно, но говорит, что надо проверять.

– Вот оно что...

– Не поднимать же мне опергруппу из-за каждого утопленника?

– Утопленника, – задумчиво повторил Васин.

– Съезди. На моей машине. Одним глазком погляди, а потом Жора тебя на вокзал доставит. Мне просто послать больше некого. Никита дежурит. А тебе все равно время убить надо, сам говорил.

– Понятно. Ну, раз Жора на вокзал доставит, тогда конечно.

– С меня отгул, – в приступе благодарности пообещал Михалыч. Но потом поправился. – Пол-отгула.

* * *

Через двадцать минут машина остановилась в тенистом дворе старого пятиэтажного дома. Было безлюдно. Дети еще не вышли гулять, а взрослые уже ушли на работу. Лишь на скамейке у подъезда скучал в компании двух ободранных кошек пожилой участковый.

– Ну? Где покойник? – степенно поинтересовался Васин.

Участковый резко поднял голову, как будто его оторвали от глубокого печального раздумья, и непонимающе посмотрел на Васина.

– Я из управления, – поспешил уточнить тот, взмахнув красной книжечкой.

– А-а... – кивнул участковый и тяжело поднялся. – Вон там, за кустами.

Они вместе прошли мимо качелей и сломанного турника, миновали редкие полуживые заросли акации и остановились под раскидистым тополем.

– Ни черта себе! – ахнул Васин.

У их ног лежало нечто скорченное, обгорелое, наполовину голое и жалкое. То, что недавно было живым, здоровым и,

возможно, веселым человеком.

Васин присел на корточки. Труп лежал на спине, спереди лохмотья дорогого костюма разошлись, обнажив обугленную грудь с черным отверстием.

– А с чего вы решили, что его убило током? – спросил Васин.

– Ну, как... – смутился участковый. – По приметам. Ожоги, разрывы одежды, характерная поза. Обугленные отверстия на спине и груди.

– Похоже на выстрел в упор, – заметил Васин. – Обычно, если стреляют в упор, одежда начинает тлеть и сгорает. Правда, без таких ожогов на теле...

– Нет, – решительно сказал участковый. – Не могла одежда тлеть. Почти всю ночь дождик шел, а он тут точно с вечера валяется. Да еще и эти... Древовидные фигуры на коже...

– Да-да, – пробормотал Васин, смутно вспоминая факультативный курс судебной медицины. Потом вдруг опомнился. – Постойте, а где гараж?

– А вот! – участковый указал в глубь двора, где темнела облупленная, изрисованная детворой «ракушка».

– Это гараж?! И вы утверждали, что его убило током в этом гараже?!

– Я и говорю, странно! – с нажимом произнес участковый. – Только я сказал не в гараже, а возле гаража.

Васин машинально поднял глаза, пытаясь определить, нет ли поблизости высоковольтных линий. Потом сообразил,

что ведет себя глупо.

– Значит, вчера дождик был? – переспросил он у участкового. – Просто дождик, и все?

– Ну, да. Просто дождик. Вон, еще лужи...

– А может, гром был, молнии?

– Не-ет, – уверенно ответил участковый. – Никаких молний. Просто мелкий дождик.

Даже если бы вчера была страшная гроза, Васин не поверил бы, что этого человека убило молнией. В городе такого не бывает. Молния бьет в столбы, антенны, громоотводы. А человек слишком мал, чтобы вызвать на себя разряд.

Он осторожно ощупал лохмотья пиджака. Почти сразу нашел в складках материи что-то твердое. В уцелевшем кармане лежали документы – обгоревшие, но читаемые.

– Как интересно, – проговорил Васин, доставая красную книжечку с надписью «МВД России».

– Так он наш! – восторгнулся участковый.

– Не спешите, – сказал Васин и извлек еще одну книжечку. На этой красовалось гордое «Служба внешней разведки».

Следующим был паспорт. Затем – еще одно удостоверение, запаянное в пластик: «АОЗТ «Максимум». Эдуард Григорьевич Малютин. Президент». Последним Васин достал кошелек. Внутри лежали три бумажки по десять долларов, стопка российских денег и потрепанная визитная карточка, принадлежащая некому Сидорову, главному эксперту какого-то торгового агентства.

– Ого! – воскликнул за спиной Жора, которому надоело ждать в машине и захотелось принять участие в осмотре. – Что это с ним?

– Умер, – коротко пояснил Васин.

Участковый восхищенно рассматривал удостоверения, изъятые у покойника.

– Двойной агент какой-то, – заметил он. – Даже, наверно, тройной.

– А... – Васин небрежно махнул рукой. – Это липа. Девчонкам показать или кондуктору... А серьезных людей на это не возьмешь. Посмотрите лучше паспорт.

– Малютин Эдуард Григорьевич, – начал читать участковый. – Наш, в этом доме прописан. Холостой. Несудимый.

– Так! – Васин выпрямился, отряхнул руки. – Вот его гараж. А вот его подъезд. Он должен был пройти по дорожке и благополучно добраться до своей квартиры. Вопрос – почему труп лежит в пяти метрах от дорожки? Либо он вильнул в сторону, либо... Ну-ка...

Васин согнулся пополам и начал рассматривать следы на земле и дорожке.

– Все ясно, – сказал он через минуту. Затем посмотрел на часы и повернулся к водителю.

– Жора, машина открыта?

– Ага.

Васин залез в кабину, взял трубку радиотелефона, набрал номер.

– Михалыч, привет с улицы Вологодской.

– Ну? – нетерпеливо спросил Михалыч.

– На этот раз нам крупно не повезло. Буди оперативную группу. Это убийство.

– А...

– А я дождусь их и поеду на вокзал, как договаривались.

– Но...

– Михалыч, я в отпуске. Нет меня. У моей сестры два чемодана, не считая сумок, она не простит...

– Только...

– Да, да, я уже понял. Завтра выхожу на работу.

* * *

– Черт бы тебя побрал, Васин! Черт бы тебя побрал.

С этих слов Михалыч начал ежедневную утреннюю планерку. Сегодня народу было меньше, чем обычно – кроме Васина, в кабинете сидел только опер из вчерашней дежурной группы и еще эксперт. Ждали следователя из прокуратуры, но он задерживался.

– Как только ты, Васин, появляешься, сразу все портишь, – продолжал Михалыч. – Был у нас прекрасный тихий месяц. Из пятнадцати убийств четырнадцать раскрыто. Но вот возникает ты и из несчастного случая делаешь убийство. Причем наверняка заказное, которое, коню понятно, не будет раскрыто.

– Михалыч, – застенчиво улыбнулся Васин, – а кто послал меня с этим трупом разбираться?

– Да какая разница! Сказано тебе было – несчастный случай! Куда там! Тебе ведь больше всех надо!

Михалыч достал сигареты, прикурил.

– Ладно, – сказал он. – Шутки шутками, а пора работать. Курить будешь?

Он протянул пачку Васину. Тот с сомнением посмотрел на сигареты и вздохнул.

– Вообще-то я матери обещал, что курить в отпуске брошу...

– Ничего. Кончился твой отпуск. Можешь смело снова начинать.

Михалыч кивнул дежурному оперу.

– Рассказывай.

Опер выглядел неважно. Он отдежурил сутки, и давно уже должен был похрапывать дома в своей кровати. Но не ушел, потому что нужно было ознакомить собравшихся с материалами проверки и, если потребуется, все уточнить сразу.

Он раскрыл папку и начал перечислять самое, с его точки зрения, важное.

– Убитого звали Эдуард Григорьевич Малютин. Тридцать лет. Руководитель и владелец акционерного общества закрытого типа «Максимум». Официально держит десяток палаток на вокзале и еще сдает мелкооптовые партии турецкой косметики. Родился в Баку, по национальности русский.

Ближних родственников нет, живет один. По нашим учетам не проходит. Двенадцать раз привлекался к административной ответственности по линии налоговой инспекции и прочим торговым делам. Это вкратце о нем. Вопросы есть?

– Вопросов море, – ответил Васин. – С чего ты взял, например, что он руководит АОЗТ «Максимум»?

– При нем удостоверение было. И вообще...

– При нем много удостоверений было.

– Обижаешь, Васин. Ребята съездили, проверили. Кстати, по удостоверениям... Документы МВД и СВР изготовлены на цветном струйном принтере. От себя добавлю: сделаны настолько паршиво, что я за это даже привлекать бы постеснялся... Еще вопросы есть?

– Вопросы потом, – строго заметил Михалыч. – Что по осмотру?

– По осмотру... – опер перевернул несколько листов. – Да в общем, ничего особенного. Эксперт полностью подтверждает, что жертва поражена электрическим разрядом напряжением не менее восьмисот тысяч вольт. Сегодня труп будут вскрывать, может, появятся новые подробности. Пока успели сделать только экспресс-анализ крови, нашли полтора процента алкоголя, то есть легкая степень опьянения. Что еще... При нем обнаружены деньги, документы, ключи с пультом сигнализации. На поясе – трубка мобильного телефона. Да больше вроде ничего...

– Машину, гараж шмонали?

– Обязательно. Вот список, ничего интересного. Сами потом посмотрите.

Васин приуныл. Информации оказалось маловато. Особенно неприятно было, что убитый не проходил по милицеевским учетам. Значит, работать придется в два раза больше...

– Васин, не кисни, – сказал опер. – Я еще самого интересного не рассказал. Труп был обнаружен после восьми утра пенсионеркой Мартыновой, которая вышла гулять с котом и забрела за куст. Эксперт же говорит, что смерть наступила вчера между одиннадцатью и двенадцатью вечера. Участковый сделал поквартирный обход и выяснил, что никто ничего в это время не слышал и не видел...

– Продуктивно, – не удержался Васин.

– Но зато он узнал, что с девяти вечера, и, как говорится, «до упора» во дворе крутился какой-то пацан лет двадцати. Ходил, ходил, жалом вертел – то за кусты, то на скамейку, то на качели... Никто его не знает. Соседи решили, что студент, потому что в руках у него была черная труба с ручкой – одним словом, тубус для чертежей. Все уже детей домой позвали, мужики свое домино собрали – дождь начался, а парень так и ходил.

Васин удивленно покачал головой.

– Может он и сфотографировать себя разрешил?

– Нет, фотографировать его не стали, но фоторобот ребята сейчас делают.

Михалыч фыркнул.

– Что ты, Васин, засуетился? Думаешь, профессиональный убийца стал бы два часа ходить и «светиться» при всем народе?

– А если не профессиональный?

– Ладно, обсудим.

– Самое главное я рассказал, – объявил опер и отодвинул папку на центр стола. – Все подробности, имена, адреса и протоколы – в документах. Если есть вопросы – задавайте. Только сейчас, а не когда я домой уйду. А то начнете поднимать с кровати, спрашивать, как звали кота пенсионерки Мартыновой...

Михалыч надел очки и начал просматривать бумаги, а эксперт занялся детальным рассмотрением собственных ногтей. Он еще вчера подробно изучил дело и сейчас знал все, что только можно было знать на данный момент.

– Расскажи-ка еще про того парня, – попросил Васин.

– Пожалуйста. Его хорошо запомнили, потому что посторонний во дворе – это, сам понимаешь, событие. Рост 170–175 сантиметров, телосложение атлетическое. Волосы темные, курчавые, кожа смуглая. На цыгана похож... Одежда – джинсы, белая футболка, летний пиджак, серый. Обувь... Да, чуть не забыл! Ребята сняли следы обуви. Под скамейкой было грязновато, и его подошвы там хорошо отпечатались. Но это все есть в деле.

– А тубус? – продолжал Васин. – Действительно просто тубус или не совсем?

– Знаешь... Там ведь в основном бабки да старики были. Откуда им знать, как тубус выглядит? Они еще говорили, что какой-то этот парень был... Ну, неопрятный, что ли. Одет хорошо, не грязный, но... Одним словом, как цыган. Цыгана во что ни одевай – он все равно цыган.

Васин кивнул. Помаленьку начал вырисовываться план работы.

– Еще вопросы есть? – спросил опер.

– Иди, отдыхай, – разрешил Михалыч. – Не волнуйся, если что, мы тебя разбудим.

Опер обиженно засопел и вышел из кабинета.

– Ну что, хлопцы, – вздохнул начальник. – Давайте думать.

– Ты считаешь, «цыган» ни при чем? – поинтересовался Васин.

– Как я могу что-то считать, если ничего не известно? Все может быть...

– Тогда будем отрабатывать версию, что он и есть злодей. Вопрос – почему он так глупо себя «засветил»? Эксперт, хотя это было не в его компетенции, решил предположить.

– Либо он совсем дурак, либо... я не знаю.

– Вот именно, – согласился Васин. – «Не знаю». Лично я еще не встречал среди наемных убийц полных дураков. Таких, которые два часа вертятся на глазах у многих людей, да еще и следы обуви под скамейкой оставляют.

– Слово «наемный убийца» мы пока прибережем, – поре-

комендовал начальник. – Коммерсантов убивают не только киллеры.

– Допустим. Лично мне кажется, что он не дурак, а просто наглый. Он был уверен, что мы его не найдем. То есть или он приехал из очень дальних мест, или...

– Изменил внешность, чтобы мы искали не того человека, – осенило эксперта.

– Мысль интересная. Мы будем искать черного кучерявого, а он на самом деле, скажем, белый и пушистый... Все равно, как-то это по-дурацки.

– И все же, чем он его так уделал? – недоумевал Михалыч. – До восьмисот тысяч вольт – ничего себе! Может, все-таки молния?

– Нет, Михалыч, не может. Во-первых, вспомни, когда последний раз была гроза? Я спрашивал, никто не помнит. Во вторых, молния обычно бьет в дерево или столб...

– А если шаровая?

– А если шаровая – она бы так грохнула, что весь район бы услышал. И в-третьих, молния бьет неожиданно.

– И что?

– А то. Покойничек наш спокойно шагал от гаража к подъезду. А потом что-то увидел, свернул с дорожки и побежал.

– С чего это ты так решил? С того, что его в стороне от дорожки нашли? А если его ударом отбросило? А если зигзагами шел – сам же слышал – спирт в крови.

– Не, Михалыч, не в спирте дело. В размере шагов. На

дорожке он шел нормально и – заметь – ровно. А на траве расстояние между шагами больше. Значит...

– Значит, бежал, – продолжил эксперт.

– Умница, – похвалил Васин. – Откуда ты, такой сообразительный?

– И все-таки, чем его накрыло, – настаивал Михалыч. – Слушай, Васин, а может, этим... Помнишь, мы у шамановской бригады изымали?

– Электрошок? – оживился эксперт. – Ну, нет. У этой штуки ампер маловато.

– А если его как-то переделали?

– Ну... – эксперт задумался. – Если взять пару аккумуляторов от «Камаза», намотать катушку из толстого кабеля с меня ростом и прицепить пару высоковольтных изоляторов, а потом попробовать засунуть все это в тубус... Тогда, может, и сработает.

– Умник, – сухо сказал Михалыч. – А может, это что-то секретное. Мафия сейчас новое оружие быстрее нас получает.

– Дело не в секретах, а в технологии. Чтобы сделать такой разрядник переносным, нужны сверхпроводники и сверхизоляторы. И вообще, мы зря тратим время. Удар был атмосферным. Если бы он был контактным, мы бы нашли на месте входа разряда следы металлизации. А мы их не нашли.

Михалыч несколько секунд задумчиво крутил авторучку в точилке для карандаша.

– Это все лирика, – наконец сказал он. – А надо работать. Ты, Васин, это дело заварил – ты и расхлебывай.

– Не понял! Что – один?

– Почему один? Первые пару-тройку дней, пока следы тепленькие, ребят подключим. А если повиснет дело – ковыряйся сам.

– Так... Нет, подожди, а РУОП не собирается подключиться?

– Собирается, я уже звонил. Обещали всемерную поддержку и содействие.

– Что значит содействие?! Не надо мне содействия! Пусть дадут человека – нормального опера, который умеет работать по тридцать часов в сутки, бегать целыми днями высунув язык по адресам, «крутых ребят» успокаивать... И справочки чтоб умел составлять.

– Ну-у, Васин, раскатал ты губу! Вот подъедет следователь из прокуратуры – с ним и бегай.

– А этого мне как раз не надо. У прокурорских рабочий день с девяти до восемнадцати. И обязательный перерыв на обед...

Васина оборвал телефонный звонок. Михалыч лениво поднял трубку.

– Да... Ясно... Когда?.. Хорошо...

Он достал сигарету, чиркнул спичкой.

– Слышь, Васин... Из прокуратуры звонили. Сказали, сегодня следователя, наверно, не будет. Завтра подъедет.

– Вот-вот! – злорадно кивнул Васин. – Начинается...

– Так что приступай, – продолжал Михалыч. – Прогуляйся в офис, узнай, не было ли в последнее время «наездов»... Баб его всех перепиши. Бабы обычно все знают. Да что я тебя учу, ты и сам все умеешь. Счастливо поработать!

* * *

На следующий день Васин на работу опоздал. Накануне он до дыр зачитал материалы дела, стараясь ничего не упустить, но никаких новых полезных деталей и фактов не нашел. После обеда носился по городу, наводил справки, посетил офис АО «Максимум».

Ну а к вечеру заехал к родителям и принял участие в скромном банкете, который сестра Юлька устроила по поводу своего возвращения из Европы. Там остался и на ночь.

Проснувшись, Васин с ужасом вспомнил, что находится не в своей коммуналке, где до работы двадцать минут ходьбы, а на другом конце города.

Когда он – взмыленный и всклокоченный – ворвался в управление, у начальника как раз кончилась планерка.

Михалыч посмотрел на него с неприязнью.

– Извини, Михалыч. Забыл, что отпуск мой кончился.

– Черт бы тебя побрал, Васин... Рассказывай.

Васин перевел дыхание.

– В офисе АО «Максимум» уже чемоданное настрое-

ние. Предприятие продается. Половина сотрудников уволены, остальные заканчивают дела и тоже ждут расчета. Все, что можно было растащить по домам? – растащили. Остальное валяется на полу.

– Кому продается предприятие?

– Пока неизвестно. Они там ничего не знают, все время на кого-то ссылаются. По-моему, им все до фонаря. Но этот простой вопрос я уточню сегодня или на днях.

– Еще что?

– Насчет его барышень... Она у Малютина была, как ни странно, одна. Курская Софья Андреевна, 26 лет. Живет на площади Маркса, он снимает ей там квартиру. То есть снимал. Я, конечно, к ней забежал, но не застал дома.

– С-софья, – с каким-то презрением процедил Михалыч.

– «Наездов» на него не было, – продолжал Васин. – То есть, конечно, были, но давно и несерьезные.

– Все равно надо проверять.

– Естественно. «Наезжала» на него курганская братва, и еще кое-кто по мелочам. Но тогда, как я понял, все остались довольные, обошлось без стрельбы и ругани.

– Ясно, – вздохнул Михалыч. – Рапорт написал?

Васин сунул руку в карман, но там были только помятые, свернутые вчетверо протоколы вчерашних бесед.

– Не успел еще.

– Садись, пиши.

– А может, завтра?

– А что сегодня?

– Хочу еще раз забежать к Софье, а еще закажу в информационном центре подборку несчастных случаев, связанных с электричеством.

Михалыч хмыкнул, оценивая очередную идею Васина, и сказал.

– Садись, пиши рапорт. Потом поедешь к этой бабе. А несчастными случаями ребята займутся после обеда, я распоряжусь.

– Как скажешь, Михалыч.

Писание бумаг было для Васина самой печальной стороной службы. Тем не менее он относился к этому процессу творчески и не терпел вмешательства. Он забежал к себе в кабинет, чтобы сообщить ребятам о своем появлении, затем спустился в буфет и уединился с бумагами за столиком. Более интимных мест в УВД не было. Не считая, пожалуй, туалета.

В течение получаса Васин расписывал свои вчерашние пробежки по городу, стараясь, чтобы текст занимал побольше места на бумаге.

Когда он закончил и вернулся в кабинет, все уже разбежались по делам, не считая старшего опера Сливко и, конечно, Никиты.

– Мне никто не звонил?

Сливко оторвался от справочника «Все пистолеты мира» и задумчиво пощипал усы. Потом просветлел:

– К тебе из прокуратуры заходили, – он поднес к глазам клочок бумажки и прочитал: – Гири́н Иван Александрович.

Фамилия была незнакомой. Впрочем, в прокуратуре постоянно появлялись новые люди.

– Ну и где он?

– Сказал, будет внизу ждать. Говорит, не любит тесных помещений.

– Надо же... – Васин разозлился. Не хватало только ему, как мальчику, бегать за этим Гириным.

Он спустился по лестнице, выскочил из здания. Перед входом было пусто. Если не считать какого-то мускулистого стриженного урки с разляпистой татуировкой на руке, который покуривал на крыльце и, судя по всему, ждал, когда его примет следователь.

Васин забежал за угол, где среди молодых берез была сооружена курилка для шоферов и прочих сотрудников, не обремененных работой. Но и там было пусто.

Негодование Васина достигло предела. Этого Гирина, оказывается, ловить нужно.

Он вернулся ко входу и еще раз внимательно осмотрелся. Урка уже слез с крыльца и теперь степенно беседовал с какой-то рыжей институткой в ярком, не по сезону коротком платье.

«Ну и черт с тобой!» – подумал Васин, имея в виду неуловимого следователя прокуратуры.

– Браток, не меня ищешь? – спросил урка.

«Да пошел ты!..» – мысленно огрызнулся Васин, но вдруг застыл на месте. Зрение зацепилось за одну в высшей степени странную деталь. А именно – из нагрудного кармана куртки этого стриженного мордоворота выглядывал краешек красной книжечки.

Не может быть...

– Как фамилия? – робко спросил Васин.

– Я из прокуратуры, – незнакомец отпустил девушку и поднялся на крыльцо. – Это ты – Васин?

– Я – Васин. – Он машинально пожал протянутую руку. – Саша...

– Иван, – улыбнулся собеседник. Улыбка у него оказалась приветливой, не под стать всему остальному.

Васин отошел на шаг и украдкой осмотрел своего нового напарника. Светлые, короткие волосы. Грубоватая, мужицкая, но правильная физиономия. Якорь-татуировка на руке. И мышцы – большие мышцы, много мышц...

«Может, документы проверить? Хотя, если его постовой в УВД пропустил, значит, документы в порядке...»

– А это кто? – поинтересовался Васин и кивнул вслед удаляющемуся яркому платью.

– Так... Прохожая.

– Прохожая... Ну, хорошо, пойдем.

Васин отвел следователя в ту самую шоферскую курилку. Там обстановка располагала к знакомству и беседе.

– Что-то я тебя раньше не видел.

– А я недавно. Я же раньше в морской пехоте служил. Вот, – Иван хлопнул тяжелой ладонью по якорю. – По сокращению ушел. Ребята надоумили переучиваться – пошел в институт.

– Какой?

– Есть в Москве одна конторка специально для отставников. За два года на заочном можно получить высшее юридическое. Я думал сначала, к вам в милицию пойду, но дядька в прокуратуру пристроил. Говорит, оклады побольше, а хлопот поменьше.

– Значит, новичок?

– Ага.

Это уже лучше. То, что у парня маловато опыта, Васина не волновало. Была бы энергия. Зато у него и амбиций не было, которыми каждый чиновник обрастает в процессе службы, как корабль ракушками.

– Меня потому и поставили на это дело, – продолжал Иван. – Прокурор говорит, ерунда какая-то. Все равно, говорит, придется закрывать за отсутствием состава преступления.

– Ну это мы еще посмотрим, – заносчиво ответил Васин, хотя душа его после этих слов взвыла. – Тебя в курс дела вводить надо?

– Не-а. Я выезжал на место и уже с вашими работал.

– Тогда поступим так. Формально ты, конечно, руководитель оперативно-следственной группы. Но фактически – но-

вичок, сам сказал. Поэтому работаем по моему плану, согласен?

– Не возражаю.

– Сейчас у меня по плану визит к одной юной леди – по-друге покойника. Поедем прямо сейчас. Я только забегу к себе за бумагами.

– Хорошо, – Иван встал, посмотрел по сторонам. – На чем поедем?

– На троллейбусе.

– А машина?

Васин обалдело посмотрел на следователя.

– Какая еще машина? Ты что, парень, с луны свалился? Или боевиков насмотрелся?

* * *

Однако на троллейбусе им ехать не пришлось. Капитан Кольцов из отдела по экономическим преступлениям случайно направлялся в ту же сторону на своей личной «Оке» и согласился подбросить.

– Ты, говорят, по убийству Малютина работаешь? – спросил он у Васина.

– Работаю. А что, есть идеи?

– Да нет, я так...

– Он по вашим делам не проходил, случайно?

– Не знаю. Надо посмотреть. Зайди после обеда...

Софья Курская жила в одноподъездной пятиэтажке из белого кирпича – относительно недавно построенной, а потому еще не так загаженной, как все окружающие дома.

– У тебя нет соображений, чем Малютина пришкварило? – спросил Васин, когда они с Иваном поднимались по лестнице.

– Вообще не представляю. Я когда служил, имел доступ к секретному вооружению, но про такое никогда не слышал.

– Так ты, наверно, тоже думаешь, что это несчастный случай – молния там, или в наручных часах замыкание?

– Я ничего не думаю, пока не соберу факты.

– Ценное качество. Хотя им злоупотреблять не стоит.

Дверь им открыли почти сразу. Софья Курская окинула гостей быстрым взглядом и спросила:

– Менты, что ли? Подождите, я пойду выключу плойку.

Иван посмотрел на Васина и скорчил при этом такую рожу, что было абсолютно ясно – девочка, мягко говоря, не в его вкусе.

Отчасти Васин разделял чувства Гирина. Софья оказалась плоской, костлявой, с бледными губами и белесыми ресницами. Короткие светлые волосенки болтались на голове, как бахрома на скатерти. Единственная яркая деталь – большие голубые глаза, которые, впрочем, как известно, у большинства блондинок с возрастом выцветают. Васин ожидал, что у миллионеров подружки красивей. Он хотел было поделиться этим соображением с Гириным, но тут Софья вернулась

в комнату.

– Ну? – Она скрестила руки на груди и прислонилась к стене.

– Э-э... В прихожей будем разговаривать? – осведомился Васин, стараясь быть вежливым.

– А почему нет? – Интонация у девушки была холодной и одновременно вульгарной.

– А потому, – начал объяснять Васин, – что вот – следователь прокуратуры, и ему нужно на чем-то писать протокол.

– Ах, еще и протокол? Хорошо, идемте на кухню, все равно ведь не отстанете. Разувайтесь только...

Кухня была чистенькой и уютной. Однако здесь стояло только две табуретки. На одну сразу примостился Иван и приготовил бланк протокола. Вторую Васин постеснялся занимать в присутствии дамы.

Софья наболтала себе растворимого кофе и присела напротив Гирина, всем своим видом давая понять, что гостям она не только кофе, но даже воды с хлоркой из-под крана не предложит.

Пока Иван заполнял форму, фиксируя паспортные данные собеседницы, Васин лихорадочно соображал, на каком языке говорить с девушкой. Изображать джентльмена бессмысленно – этим можно растопить сердце разве что пожилой уездной библиотечкарше, но не этой юной избалованной стервочке. К сожалению, не удалось рассмотреть интерьер ее комнаты и составить психологический портрет хозяйки по

обстановке – картинам на стене, книгам в шкафу или по отсутствию оных.

Кухня же выглядела обычно. Васин решил, что и беседа должна быть обычной – холодной и официальной.

– В каких отношениях вы состояли с покойным Эдуардом Малютиным? – спросил он.

– В тесных, – ухмыльнулась Софья.

– А если подробнее?

– Вам все позы обрисовать?

Васин вздохнул.

Иван поднял на него умоляющие глаза, не понимая, как отобразить этот игривый разговорчик в официальном протоколе.

– Пиши – состояние гражданского брака, – сказал Васин и искоса взглянул на Софью. Та невозмутимо хлебала свой кофе.

– Что вам известно о роде занятий Малютина?

– Деньги он делал, больше ничего.

– А как он их делал?

– Вам не понять. Вы на твердом окладе.

– Отвечайте, пожалуйста, на вопрос. Вам известен профиль предприятия, которое возглавлял Малютин?

– Да торговал он, Господи! Как будто сами не знаете...

– Он посвящал вас в подробности своей работы?

– Все подробности он приносил в кошельке. Остальное мне не интересно.

– У него были какие-то проблемы или конфликты, связанные с работой?

– Были.

– Какие? – мягко, но настойчиво спросил Васин.

– Дебет с кредитом не сходился! Вы что, издеваетесь?! Откуда я знаю, какие у него проблемы?

– У Малютина были враги? – продолжал Васин, не обращая внимания на эмоции девушки.

– Наверно, были, – ответила Софья уже спокойнее. – Он не рассказывал, и я их не знаю. И кто его убил, тоже не знаю.

– С чего вы решили, что он убит?

– А с чего бы вы тогда ко мне пришли?

– Вы сами-то где были в тот вечер? – спросил Васин. – Вообще, расскажите про тот день.

Софья ответила ему таким жарким и ненавидящим взглядом, что, казалось, от ее глаз можно прикуривать. Несколько секунд она шевелила губами, видимо, сочиняя какой-то замысловатый ответ. Но потом остыла и буркнула:

– Не ваше дело.

– Отказываетесь отвечать?

– Просто лень вспоминать.

– Интересно... Такие дни обычно не забываются. И все-таки придется вспомнить.

Софья демонстративно отвернулась к окну. Она явно не собиралась ничего вспоминать. Васин решил пока не трогать эту тему, у него остался один мало-мальски важный во-

прос. Он выудил из папки фоторобот «цыгана». Вернее, композиционный портрет, составленный на компьютере и доведенный до кондиции художником в присутствии свидетелей. Фотороботом его называли по старинке.

– Вы когда-нибудь видели этого человека?

Софья повернулась и вдруг будто прилипла взглядом к портрету. Заметив это, Васин и Гирин, что называется, «сделали стойку». Но тревога оказалась ложной.

– Страшный какой, – медленно проговорила Софья. – Глаза страшные. Нет, не знаю...

Васин усмехнулся и спрятал портрет в папку. Глаза «цыгана» испугали не только Софью, но и всех, кто видел изображение. Жильцы дома на Вологодской расходились во мнениях относительно формы носа, ушей и подбородка «цыгана», но что касается глаз – все были единодушны. Глаза были его. Твердые, как кристалл, и в то же время насмешливые, умные – и одновременно сумасшедшие. Нечеловеческие глаза.

Васин кивнул Ивану, и тот начал собирать бумаги. Уже в прихожей, прощаясь с хозяйкой, Гирин вдруг подал реплику.

– Хорошая квартирка, – заметил он, посмотрев по сторонам. – Наверно, жалко будет съезжать.

– Кому жалко? – не поняла Софья.

– Вам, барышня. Платить-то за нее теперь некому, а?

– Платить? Да желающих сколько угодно! Вы, чем меня жалеть, лучше о себе побеспокойтесь.

– А мы вас и не жалеем, – беспечно ответил Иван. – Вы

ведь, по-моему, особенно и не убиваетесь из-за смерти вашего друга?

Софья с негодованием сжала кулаки, отступила и вдруг заорала:

– Не твое дело!!! Иди отсюда, раз собрался, понял?!

Крик был отвратительным. Юные дамы, подруги миллионеров так не кричат. Так кричали разве что тетки у Васина в коммуналке, когда у кого-то пропадали трусы с веревки, а потом обнаруживались в кастрюле с чьим-то супом.

– С-сучка! – процедил Иван, выходя из подъезда и закуривая. – Как думаешь, есть смысл с ней возиться?

– Думаю, есть.

– Может, из-за нее мужика и грохнули? Слушай, а ведь мы у нее так ничего и не узнали. Хотя и говорили...

– Значит, будем ходить до тех пор, пока она не поймет, что мы не отстанем. Заставим вспомнить, что она делала и где была в тот день.

– Подставил ты меня сегодня с этими протоколами.

– Почему?

– Потому что терпеть не могу писанину! В армии я со своими бойцами бегал и горя не знал. А как надо что-то писать – хоть рапорт на отпуск – не могу, веришь?

– Трудно тебе придется. Это не армия. Здесь без бумажки и шагу не сделаешь.

– Зайдем сначала к Михалычу, – предложил Васин, когда они вернулись в управление.

– Давай. Только я сначала в сортир забегу, ладно?

В ожидании Ивана Васину пришлось рассматривать на стене стенды наглядной агитации, на которые много лет назад неутомимые сотрудники отдела воспитательной работы навесили плакаты с выдержками из Конституции. Внизу чья-то дерзновенная рука приписала: «Граждане имеют право хоронить и быть захороненными».

Васин не успел прочитать и трех статей, как вдруг ему заломили руку и припечатали грудью к стене. Он даже не стал сопротивляться. Привычкой бросаться на мужиков сзади обладала только Кристина Кораблева из отделения по борьбе с карманными кражами. Это была мощная и агрессивная во всех отношениях дама лет тридцати, поставившая перед собой цель жизни – превзойти мужчин по всем показателям.

– Привет, зайчик, – весело сказала она. – Ты рад мне?

– Умираю от восторга, – кисло ответил Васин.

– Послушай, зайчик, а что за парнишка с тобой сейчас был? – Она развратно улыбнулась.

– Какой?

– Такой... – Кристина напыжилась, изображая могучую фигуру Гирина.

– А, этот... Особо опасный рецидивист Хмырев. Двенадцать убийств, сто восемь изнасилований и два случая незаконного производства аборта. Познакомить?

– Не шути со мной, зайчик, – предупредила Кристина, нежно надламывая Васину локтевой сустав.

– Шучу, конечно, – пробормотал тот, бледнея от боли. – Если честно, это мой информатор, очень секретный, поэтому ты лучше пойди куда-нибудь.

В эту минуту ничего не подозревавший Гирин вышел из туалета, стряхивая воду с пальцев. Кристина, отпустив Васина, хотела переключиться на него, но Васин быстро подхватил Ивана под локоток и повел прочь.

– Что это за пончик? – тихо поинтересовался Иван.

– Это наш местный Рэмбо. Женская особь, если ты не понял. Страшная женщина. Каждый вечер с железом в подвале работает, рукопашный бой изучает, бокс, ножи кидает. И на всех отработывает свои приемы.

– Бедняжка... Видать, ей в жизни мужской ласки не хватило, вот она из себя мужика и сделала.

– Возможно. При этом она полная дура. Когда ей даешь об этом понять, она смотрит на тебя свысока, как будто хочет сказать: да, дура, но если мы встретимся с тобой на ринге, я разорву тебя пополам.

Михалыча они застали за поливом кактусов.

– Что узнали? – сразу спросил он.

– Ничего! – гордо улыбнулся Васин. – Подробности в про-

токоле.

– Молодцы, – буркнул Михалыч и отставил лейку.

Он полез в стол и достал свернутую в трубочку компьютерную распечатку.

– Вот, возьми. Выборка несчастных случаев, связанных с электричеством, за последние полгода. Их не так уж и много.

Васин, не глядя, сунул бумагу в карман.

– Есть планы? – спросил Михалыч.

– Попробую узнать имя покупателя предприятия. И вообще...

– Не пробуй. Ребята сегодня, наконец, достали управляющего, и он сказал, что это коммерческая тайна. Вежливый такой, скотина, улыбается...

– Есть ведь и другие каналы.

– Ты имеешь в виду...

– Да-да.

Михалыч один знал имена всех осведомителей Васина, но только не того, на которого сам Васин сейчас возлагал надежды.

– С этим обожди. Слетайте пока на вокзал, – сказал Михалыч. – Я сегодня звонил начальнику линейного отдела милиции, он обещал рассказать что-то интересное про палатки Малютина. И сами там походите, посмотрите.

Васин кивнул и уже потянул на себя дверь, как вдруг Михалыч остановил Гирина вопросом.

– Простите, Иван... э-э...

– Александрович.

– Иван Александрович, у вас есть опыт в расследовании убийств?

– Приходилось работать. Правда, на десятых ролях...

– И каковы ваши прогнозы?

– Как обычно, – пожал плечами Гирин. – Мотивы определим, лица установим, а доказать не сможем. Особенно, если исполнитель подбирался через «диспетчера».

– Да-да... – задумчиво сказал Михалыч. – Ну, хорошо, работайте.

* * *

Начальник отделения транспортной милиции майор Титов оказался человеком прямым и конкретным. Он не стал корчить из себя бугра районного масштаба, а прямо заявил:

– О том, что Эдичку рано или поздно замочат, я догадывался.

– Интересно, – вежливо заметил Васин.

– Ничего интересного. Эдичка всегда держался особняком. У нас тут на вокзале много разных контор, и у всех джентльменское соглашение – цены держать ровные. А Эдик Малютин вроде как отдельно. У него товар всегда дешевле – и оборот, соответственно, лучше. Мы и сами сигареты только в его палатках покупали.

– И давно это противостояние?

– В том-то и дело, что давно. На него один раз «наехали», потом второй, третий... А ему все как с гуся вода. Правда, «наезды» были тихие – без стрельбы, без взрывов. Потом ему просто предложили – либо продавай свои палатки, либо меняй «прописку»...

– Откуда такие сведения? – хмуро спросил Иван.

– Ну... У меня тут тоже доверенные лица имеются, – сообщил Титов. – Неважно. Главное, что он никого не слушал и жил, как хотел. А все почему? У него была своя «крыша». И причем неслабая, как я понял. Та братва, что наш вокзал держит, для него ничего не значила.

– И что это за «крыша», известно?

Титов категорически замотал головой.

– Никто не знал. Видимо, ребята в рекламе не нуждались. Они один раз себя в деле покажут, и к ним больше вопросов нет – вот таким образом. Так я продолжаю. Пару раз его палатки анонимно жгли. И оба раза он от заявлений отказывался. Это понятно, я бы на его месте то же самое сделал. Потому что в его палатках не только выпивку можно было купить, но и девочку на вечерок зафрахтовать, и «травки» взять. Кавказские парни из местной гостиницы очень наши места за это ценят.

– И вы спокойно на это смотрели? – спросил на всякий случай Васин.

Титов обиделся.

– Вы ребята, как будто первый день в милиции, – с укором

сказал он. – Ну, ловим мы парней с «травкой», двоих даже засудили. А толку-то? Это же пешки. Одну уберешь – завтра еще появятся. А что касается девочек, все они оформлены в качестве торговых инспекторов АО «Максимум». Имеют полное право сидеть в палатке рядом с продавцом хоть сутки напролет. А то, что у этого инспектора на лбу «б...» крупными буквами написано – не наше дело. Извините, частная собственность.

Я к чему это говорю, – продолжал Титов, – место у Эдика было жирное, и «прописку» менять он ни в какую не собирался. Но убытки от его упрямства терпели все. Поэтому киллера заказать тоже любой мог. А может, они вместе организовались и наняли. Короче, ищите среди наших.

– Поищем, – заключил Васин. – Можно я от вас позвоню?

Он набрал номер начальника и спросил, нет ли новостей.

– Разговор вообще-то не телефонный, – ответил Михалыч, – но так и быть, слушай. Покупателя АО «Максимум» мы установили и без твоих стукачей. Новым хозяином будет – запоминай – Мешалкин Владимир Николаевич, двадцать четыре года. Парень ничего из себя не представляет, но этого и следовало ожидать. Он, конечно, подставной. Из всего прежнего персонала он не уволил только управляющего. Тут тоже удивляться нечему. Знаешь, в какую сумму оценил управляющий предприятие? Только не упади. Три тысячи долларов. Ты понял? Учредительные документы, офис, двенадцать палаток, оборотные фонды, товар на складе – и за

все это три тысячи долларов. Делай выводы.

Васин повесил трубку. Выводы были ясны. Малютина убрал тот, кто покупал через подставное лицо его предприятие. Предварительно в коллектив был внедрен свой человек – тот самый улыбочивый управляющий, который уволил всех сотрудников и оформил продажу за символическую плату. Деньги пойдут, видимо, на выкуп акций у учредителей, чтобы они разошлись довольные и не поднимали шум.

Но назвать такую информацию ценной Васин бы не решился. Все это было предсказуемо, а потому не давало никаких неожиданных козырей. Выходить на заказчика через нового хозяина бессмысленно. Не за то ему платят, чтобы он трепал языком. Так же, как управляющий. Имя они, конечно, узнают, но это будет лишь информация к размышлению. А нужны доказательства. Хорошие, надежные доказательства, которые заставят любого судью уверенно заключить – виновен!

Когда они с Иваном вышли на улицу, над вокзалом зависла тучка. Она была плотная, тяжеленькая и имела такой вид, как будто последними усилиями удерживает массы воды, в ней накопившиеся.

Иван озабоченно пробормотал что-то насчет зонтика, потом спросил:

– Палатки пойдем смотреть?

– А что мы там найдем?

– Не знаю, тебе начальник велел посмотреть.

– Я сам себе начальник. У меня есть идея получше.

Иван вдруг застыл, как вкопанный.

– Та-а-к, – недобро сказал он. – Сейчас увидишь, как я наказываю зло.

Васин повертел головой и, наконец, понял, что Гирич устоял на возбужденную толпу на углу здания. Толпа окружала небольшой складной столик, где стриженный рябой детина гонял наперстки.

– Пошли, – сказал Гирич. – Может, и нам повезет?

– Ты что! Подожди... – дернулся было Васин, но Иван был неумолим.

В толпе царил то странное настроение, которое можно назвать смесью жадности и идиотизма. Двое «быков», что стояли рядом с детиной, были заводилами. Один из них все время выигрывал, а другой на его примере убеждал зевак тоже попробовать – и оба были как бы ни при чем. Без очков было видно, что они работают в одной спайке, все трое выглядели одинаково – их лицами можно было иллюстрировать учебник криминалистики в разделе физиономического анализа.

Тем не менее отбоя от желающих не было. Сладкое слово «халыва» действовало, как колдовство. С завидным постоянством «лохи» отстегивали свои кровные, проигрывали и отходили, с удивлением доказывая зевакам: «Я же видел, что шарик там!».

Особенно жалко было заплаканного мальчишку лет во-

семнадцати, сразу видно, приезжего. Он проигрался, что называется, «до железки», и предлагал наперсточнику свой свитер, надрывно убеждая того, что отыграется.

– Что ты собираешься делать? – с негодованием спросил Васин.

– Подожди... – Иван растолкал толпу и приблизился к столику. – Сколько ставить?

Рябой равнодушно принял от Гирина деньги, перемешал стаканчики.

– Здесь! – замороженно сказал Иван и поднял средний стаканчик.

Толпа восхищенно притихла. Под стаканчиком действительно лежал шарик.

Рябой вдруг стал еще более рябым, хотел что-то сделать, потом передумал. Он только сказал:

– Стаканчики руками не бери. Я сам поднимаю.

– Еще! – попросил Иван, невинно заглядывая рябому в глаза. – Давай еще, а?

– Еще! – заорала толпа.

Рябой суетливо принял ставку, перемешал стаканчики. Гирин не обманул надежды зевак и снова угадал. Рябой в замешательстве переглянулся со своими.

– Давай еще! – не унимался Иван.

– Все! – хрипло объявил наперсточник. – Закрываемся на обед.

– Жалко... – вздохнул Иван и небрежно сунул в карман

выручку.

Тучка наконец разродилась мелким холодным дождиком, и привокзальная площадь медленно опустела. Васин выдержал напряженную паузу, потом сказал.

– Иван, я точно знаю, у этих ребят выиграть невозможно, они прячут шарик в ладони. Объясни, как ты это делаешь?

– Видишь ли... Иногда полезно иметь при себе такой же поролоновый шарик. А лучше несколько – разных цветов.

– А откуда ты все это знаешь?

– У нас в роте как-то фокусник выступал перед бойцами, он меня и научил.

Их нагнали в аллее. Те самые «быки»-заводилы. Васин сначала услышал «Э, мужики!», а обернувшись, увидел, что те вразвалочку приближаются, разминая пальцы.

– Черт! – прошипел Иван. – Ты драться умеешь?

– Я думал, ты умеешь! – обиженно заметил Васин.

– Ладно, – сказал Иван и задвинул Васина за свою мускулистую спину. Далее последовал самый обыкновенный «наезд», похожий своей гнусностью на все прочие «наезды».

– Ну че, мужик! – выпятил губки один из «быков», тот кто изображал у столика игрока-счастливчика. – Должок с тебя. Надо бы проценты взять, но, так и быть, мы добрые. Давай бабки – и свободен.

– Какие? – наивно улыбнулся Иван.

– Ну, ты че, не понял? Гони бабки!

– Вы о чем, ребята? – Гирич старательно изображал иди-

ота.

– Мужик! – вступил в спор второй, зазывавший прохожих попытать счастья. – Мужик, ты ща здесь умрешь!

По опыту Васин знал, что на такую публику милицейское удостоверение могло подействовать с обратным эффектом. Поэтому он пока скромно отмалчивался.

– Вы меня с кем-то путаете, ребята, – продолжал кочевряжиться Иван.

– Ты достал, мужик!!! – взревел «счастливчик».

– В натуре, – добавил его товарищ и попытался схватить Гирина за шиворот. Одновременно «счастливчик» сделал шаг, чтобы отсечь Васина.

Васин любил смотреть драки по телевизору. Но в жизни все происходит совсем не так. В жизни почти не бывает красивых взмахов ногами и эффектных блоков. А только сопение, чавкающие звуки ударов и мерзкий осадок на душе.

На этот раз все оказалось почти как в кино.

Иван легко шагнул в сторону, схватил обоих «быков» за челки и небольшим усилием свел их черепные коробки в одной точке. Раздался глухой стук, и парни разлетелись в разные стороны. Гирин повторил процедуру, на этот раз более энергично. Третьего раза не потребовалось. «Быки» одновременно свалились на мокрый асфальт, хрюкая и держась за разбитые головы. Гирин кивнул Васину и они быстро пошли по аллее в сторону городского центра...

– М-да... – сказал Васин после продолжительного разду-

мья. – Непедагогично ты как-то с ними... Прокурорские работники так не делают.

– А мне плевать, – огрызнулся Иван. – Знаешь, что я тебе скажу? Тот убийца, которого мы ищем, и то больше уважения заслуживает, чем эта мразь. Что с ними еще делать, скажи? По попке шлепать?

– Ты и отшлепал... Кстати, этих-то можно было и доставить, – заметил Васин. – Как говорится, повод для задержания был.

– А дальше? Ну, заплатят они штраф в три минимальных оклада, а потом? Это все равно, что лечить триппер горчицами. Хватит, не хочу больше об этом. Ты говорил про какую-то идейку...

– Да, помню.

Васин нашел свободный телефон-автомат, набрал номер.

– Здравствуйте! – раздался в трубке очаровательный женский голос. – Это автоответчик. Говорите после сигнала...

– Степанов, кончай дурака валять, подними трубку! – крикнул Васин в микрофон.

Через несколько секунд далекий голос ответил:

– Ну?

– Что «ну»? Не узнал?

– Тебя, Васин, я всегда узнаю. Что скажешь? Только громче...

– Нужно уточнить один вопрос. По телефону можно?

– Давай. Я на днях поставил новую защиту от прослуши-

вания. Хорошо работает, зараза, только не слышно ничего. Так что ты погромче.

– Ну, слушай. Мешалкин Владимир Николаевич, 24 года. Ни о чем не говорит?

– Пока нет.

– Он покупает АОЗТ «Максимум», хозяин которого недавно умер. За три тысячи долларов.

– За сколько?

– Три! – Васин быстро оглянулся, проверяя, нет ли поблизости людей. – Если можешь, узнай, кто над ним стоит. Это все.

Васин почувствовал, что собеседник впал в легкое замешательство.

– Э-э... Дружище, видишь ли... В следующий раз ты по телефону таких вопросов не задавай. Лучше подъезжай. Защита – хорошо, но...

– Я же спрашивал!

– Но я-то не знал, что тебя такие интимные вещи интересуют. Ну, ладно. Завтра увижусь с ребятами, поспрашиваю. А вечером – часов в десять – заезжай ко мне домой. Желательно не раньше.

– Договорились, – сказал Васин и повесил трубку.

Степанов был когда-то его соседом. И попутно добровольным осведомителем. Несколько лет назад он купил себе квартиру в новом районе, но отношений не прервал. Он оказывал услуги Васину не за деньги – те гроши, которые

УВД выделяло на агентурную работу, его не интересовали. Причина была иная – во-первых, соседские отношения, а во-вторых, Васин и сам частенько выручал его в разных пустяковых вопросах – помогал без волокиты получить лицензию на газовый пистолет, зарегистрировать машину в ГАИ и тому подобное.

У Степанова была редкая профессия – нотариус. Васин не сомневался, что с такой работой трудно не вляпаться в какую-нибудь грязь, но никогда не лез к нему в душу. Связи и осведомленность Степанова были неоценимы при расследовании махинаций с недвижимостью, вымогательств квартир и машин, финансовых афер. И на этот раз Васин был уверен, что завтра вечером Степанов назовет имя человека, который заказал убийство Малютина и стал теневым хозяином его предприятия.

Он с чувством выполненного долга вышел из будки и попытался найти Гирина. Но того нигде не было.

В груди что-то оборвалось. Воображение быстро нарисовало картину, как побитые «быки» собрали стадо побольше и двинулись мстить Ивану за обиду.

Васин вернулся на аллею и быстро пошел в сторону вокзала. Как назло, он был без пистолета.

Через несколько секунд он обнаружил Гирина на уютной лужайке, образованной разросшимися кустами. Правда, не с «быками», а скорее наоборот – с «телками». Две фигуристые длинноногие девицы в импортных плащах стояли рядом с

Иваном, над чем-то серебристо смеялись, держа в наманикюренных пальцах длинные сигареты с золотыми фильтрами.

– А вот и Саша, – сказал Иван. – Он заместитель командира нашего спецназа. Познакомься, Шурик – это Ира, это Катя.

– Очень приятно, – промямлил Васин, чувствуя себя полным дураком. Он считал, что миновал тот возраст, когда не стыдно цепляться к девушкам на улице.

– Значит, договорились, – продолжал Иван. – Завтра мы на пять месяцев улетаем в командировку на Карибские острова, а сегодня вы скрасите наш последний мирный вечер. Обещаю шампанское, креветки и спокойную музыку. Адрес я вам дал.

Васин помолчал, оценивая обстановку, потом сказал:

– Пойдем, Иван. Я только что договорился со знакомым венерологом, он обещал посмотреть нас бесплатно.

Барышни вдруг поскучнели и переглянулись. Одна из них затоптала окурки и взяла подругу под локоток.

– До свиданья, – кисло проговорил Иван.

– Ага, – ответили девушки и скрылись.

– Ну что ты за человек, – процедил Гирин после пяти минут огорченного молчания. – Ты что, кроме работы ничего не знаешь? Это же патология! Или ты убежденный семьянин?

– Я разведен.

– Тем более! Такие хорошие были у нас самочки, и как раз две... А ты взял и все испортил. Не понимаю...

Васин мог бы с пафосом заявить, что нужно расследовать убийство, а не гоняться за «гетерами», что он серьезный человек, а не пляжный качок, и вообще... Но девчонки были красивые, и, возможно, не стоило портить Ивану вечер...

– Извини, – неожиданно для себя сказал Васин. – Просто не могу я так. Идиотом себя чувствую.

– Почему?!

– Потому что... Взрослый вроде человек, и неловко мне к бабам на улице приставать. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Иван. – Не грусти, я тебя научу. Это ведь не трудно. Смотри, вон еще идут. Их, правда, трое, но это не беда, доверься мне. Давай?

– Давай, но в другой раз, – окончательно смутился Васин. – Я сегодня не готов.

– Как хочешь. Но как только закончим дело – я от тебя не отстану. Так и знай, не дам тебе сгнить на этой проклятой работе. Какие планы на сегодня?

– Пожалуй, никаких. Пора посидеть над рапортами. Я для своего начальства буду писать – ты для своего.

Иван с досадой крякнул.

– Ох, не люблю бумажки!

– А зарплату получать любишь? Деньги – они ведь тоже на бумажках печатаются.

Составление бумаг заняло у Васина ни много, ни мало – около полутора часов. Во всем был виноват мающийся от безделья Никита. У Никиты была скверная привычка – перечитывать старые газеты, а самые интересные места декламировать вслух, мешая всем сосредоточиться. Так случилось и на этот раз.

Васин хотел было уйти в буфет, но он почему-то закрылся раньше времени. Пришлось писать, непрерывно отмахиваясь от навязчивого Никиты, который всякий раз говорил «все, молчу», а через пять минут шуршания газетой вновь начинал отвлекать от мыслей своей дурацкой декламацией.

Потом пришел Сливко. Он сразу же принялся шумно доказывать, что милицию пора переводить на короткоствольные автоматы под пистолетный патрон, потому что те не дают рикошета в закрытых помещениях. С автоматов разговор перешел на ножи, потом почему-то на удобрения, потом....

Васину захотелось вскочить, рывкнуть и потребовать хотя бы пять минут покоя, но все вдруг ушли сами собой. В наступившей тишине ему хватило пятнадцати минут, чтобы закончить рапорт.

Отложив ручку в сторону, Васин потянулся, сладко зевнул и вдруг услышал бумажный шорох в кармане куртки.

Ему захотелось больно стукнуть себе по лбу. Он совсем

забыл, что в кармане ждет своей очереди выборка информационного центра по несчастным случаям, связанным с электричеством.

Васин торопливо разложил бумагу на столе, впился глазами в таблицу.

«Лукьянов В.П. 1953 г.р., электрик ГП «Металлист». Погиб 16.05 в результате э/травмы, полученной при попытке самостоятельно починить электрощит в поселке Клен...»

Не то. Дальше...

«Самков А.Г., 1945 г.р., водитель автобазы «Сельхозмонтаж». Погиб 1.07 в результате неосторожного обращения с электроудочкой.»

Снова не то...

«Гудков И.Э. 1967 г.р., частный предприниматель...»

Васин заерзал на стуле от возбуждения.

«Гудков И.Э. 1967 г.р., частный предприниматель. Погиб 19.06 в результате падения в н/состоянии на оголенный э/провод на берегу водохранилища Алешинское...»

Значит, оголенный провод? Надо будет проверить. Дальше...

«Мамедов Р.Т. Директор ТОО «Терек». Погиб 20.08. в подвале здания «ЛАДА-АВТОСЕРВИС» в результате замыкания электродрели...»

Есть!

Васин откинулся на спинку стула, хватаясь за сигарету. Ему незнаком был человек по фамилии Мамедов, но что та-

кое «ЛАДА-АВТОСЕРВИС», он знал. Буквально перед отпуском он участвовал в плановом комплексном рейде, и одним из объектов проверки был тот самый автосервис. Он отчетливо помнил, что в подвальной мастерской было сыро, и инспектор из Управления пожарной охраны тщательно проверял вольтаж всех электролиний. Мамедова не могло убить электродрелью, поскольку весь ручной электроинструмент в мастерской работал от напряжения тридцать шесть вольт, которым не убьешь и крысу!

Васин снова взял список в руки и просмотрел графу «Характер повреждений». Так и есть: «Обширные зоны обугливания в районе груди, разрывы мышечной ткани, смещения суставов...» Руки бы оторвать тому, кто делал осмотр! Надо же, «зоны обугливания» от электродрели!

Тут некстати вернулся Никита.

– Ты знаешь, я только что прочитал, что у фригидных женщин бывает повышенная...

– Подожди! – оборвал его Васин. – Не сбивай с мысли...

Однако никаких особых мыслей у Васина пока и не было.

– Никита, – сказал он, – тебе знакома фамилия Мамедов?

– А кто это?

– Директор ТОО «Терек».

– Не знаю, – пожал плечами Никита. – Позвони нашим «колбасникам» или в налоговую полицию, у меня там есть ребята знакомые...

– Нет, с налоговой мы пока обождем, – проговорил Ва-

син. – А вот насчет «колбасников» мысль правильная.

Память немедленно подсказала, что обратиться лучше к Кольцову – тому самому капитану из отдела по экономическим преступлениям, который подвозил их с Гириным на площадь Маркса.

Васин придвинул телефон, набрал номер.

– Здорово, капитан Кольцов, майор Васин тебя разбудил.

– Привет, майор Васин...

– Скажи, фамилия Мамедов о чем тебе говорит?

– Какой? Я троих Мамедовых знаю.

– Хозяин предприятия «Терек».

– А-а! – обрадовался Кольцов. – Рафик Мамедов. Этого знаю. Только он не хозяин. Он уже покойник.

– А что с ним? – спросил на всякий случай Васин.

– Он то ли в пожаре сгорел, то ли током убило. Но я его хорошо помню. Мы когда рейды проводили, всегда его навещали и обязательно что-нибудь интересное находили.

– Что у него было за предприятие?

– Он держал автосервис на Ворошилова, и еще у него было кафе «Терек». Ты наверняка видел – это на вокзале, прямо за сквером. Там раньше пельменная была...

– На вокзале?!

– Ага. Но оно теперь продано.

– Кому? – заволновался Васин. – Скажи, кому?

– Сейчас, – в трубке зашуршали бумаги. – А зачем тебе?

– Надо! Очень надо!

– Понимаю. А, вот нашел. Записывай: Коваль Максим Леонидович, семьдесят третьего года рождения.

– Ты о нем что-нибудь знаешь?

– Мало. Почти ничего. Мы туда редко ходим, там с новым хозяином порядка побольше стало. Знаю только, что купил он эту забегаловку по смешной цене. И еще одна интересная деталь: прибыль у него хорошая, а вот живет он скромненько. Ездит на подержанной «Тойоте», снимает хреновенькую квартирку где-то на окраине. Видимо, часть прибыли кому-то отстегивает.

– Конечно. «Крыше» и отстегивает.

– Не-ет. «Крыша» много брать не будет, иначе ее просто снесут. Видать, это не простая «крыша».

– Значит, на дядю работает.

– Может, и так. Только вот кто этот дядя? Больше ничего добавить не могу. Рад, если сумел тебе помочь.

Васин отодвинул телефон и возбужденно потер ладони. История с АОЗТ «Максимум» повторялась в точности.

Через пять минут он уже сидел в кабинете Михалыча и докладывал последние новости.

– И что ты ожидал от меня услышать? – спросил начальник.

– Я ожидал услышать: «Молодец, Васин, получай медаль «За сообразительность»!

– Не угадал, Васин. Какая, к черту, сообразительность? Что нам это дает, кроме новых неприятностей? Так, инфор-

мация для размышления, не более того.

– Как это «не более того»? – возмутился Васин. – Завтра вечером я узнаю имя человека, который заказал убийство. Мы сразу можем брать его в оборот: наставим «жучков» в квартире, «семерку» подключим...

– Какие «жучки»? – устало вздохнул Михалыч. – Никто не даст санкцию на «жучки». Ну а «семерка»... Не знаю, что это может дать.

– Хорошо, – сказал Васин. – Договоримся так: завтра я узнаю имя и передаю его дежурному. И пусть сразу ночные службы начинают его крутить. Время дорого.

– Давай... – неохотно согласился Михалыч. – Не знаю, что у тебя выйдет, но... Пробуй. Одно условие. Пока не разберешься с Малютиным – никаких шагов в сторону. Никаких Рафиков Мамедовых.

* * *

Утро следующего дня началось с беготни по лестницам. Сначала Васину позвонили из дежурной части и напомнили, что он, выйдя из отпуска, не получил табельное оружие. Пришлось бежать, получать.

Потом позвонили из финансового отдела и сообщили, что он не отчитался за двухдневную командировку, в которую ездил еще до отпуска. Потом позвонили из отдела кадров – потребовали сдать отпускное удостоверение и проездные

документы.

Когда телефон зазвонил в четвертый раз, Васину захотелось расстрелять его из табельного оружия или обложить отпускными удостоверениями, проездными документами и поджечь.

Но это был всего лишь Гирин. Он спросил, нет ли срочных дел. Потом сказал, что должен решить у себя парочку вопросов и поэтому придет после обеда.

– Только не забудь, что сегодня на вечер у нас назначено свидание, – напомнил Васин.

– С женщинами? – живо поинтересовался Гирин.

– С мужчинами, – буркнул Васин и бросил трубку.

Интересно, подумал он, какие вопросы собирается там решать Иван. Не иначе, женские.

Итак, сегодня вечером Васин пойдет к Степанову и узнает имя заказчика убийства Эдуарда Малютина. На сегодня это главное. Есть и другие дела – например, восстановить обстоятельства смерти Рафика Мамедова. И убедиться, что место происшествия даже толком не осматривали. Как участковый записал, что несчастный случай, – так и решили.

Но эти дела были менее важными и заниматься ими не хотелось.

Васин решил, что в ближайший часок он может расслабиться и потешить себя бездельем. Например, послушать рассуждения Сливко о боевых характеристиках разного типа оружия.

– Да я же сам из него стрелял! – надрывался Сливко. – Глушитель идеальный. Слышно только, как затвор лязгает и пуля уходит!

– Не понимаю я, – упрямылся его вечный собеседник Никита. – Как можно выстрел сделать бесшумным? Ну, заглушить – это ладно. Но совсем убрать звук... Это же страшный грохот, его не спрячешь.

– Да я тебе точно говорю! Представь: девять-а-девянносто один – короткоствольный автомат с глушителем. Калибр – девять миллиметров. Одна пуля шестнадцать грамм весит. И ничего – ни звука, ни отдачи. Просто – щелк, фьють – и все!

Никита недоверчиво покачал головой.

– А про стреляющий нож ты слышал? – не унимался Сливко. – «НРС» – нож разведчика стреляющий. У него один патрон в рукоятку вставляется – так пуля вылетает вообще без звука.

– Нож тоже с глушителем? – лениво поинтересовался Васин.

– Нет, просто патрон специальный. Там химическая реакция происходит с газовыделением. Никакого огня, дыма...

– Ну, это ты точно сбредал, – обрадовался Никита. – Если б такие патроны были, под них бы все оружие делали. Чтобы с глушителем не мучиться.

– А его и делают. Ты пистолет «ПСС» видал? Такой, плоский и широкий. Он как раз под химические патроны. Причем у него пули со срезанной макушкой – как у «нагана». Из

него даже если в руку попадешь – человек умирает от болевого шока...

– Смотрю я на тебя, Сливко, – сказал Васин, – и думаю: если ты такой специалист, почему на последних стрельбах только пять из тридцати выбил?

Сливко как-то сразу утих и обмяк.

– Палец болел, – сухо пояснил он. – И вообще, я из пистолета не очень... Мне бы автомат. Или лучше карабин...

– И штык примкнуть, – добавил Васин. – И врукопашную – на мишень. Вот тогда бы ты всем доказал.

– Ну тебя к черту, Васин, – обиделся Сливко.

Дверь приоткрылась, и в кабинет робко заглянул пожилой майор с мучительно знакомым лицом.

– Вам кого?! – рявкнул Сливко.

– Мне Васина.

Васин наконец вспомнил. Это был тот самый участковый, с которым они осматривали труп Малютина.

– Можно вас на минутку? – нерешительно спросил майор.

Они вышли в коридор, уединились возле засыпанного табачным пеплом подоконника.

– Свидетеля я еще одного нашел, – сказал участковый.

– Так. И что он сказал?

– Он видел покойника в тот самый вечер. С женщиной.

– Это все?

– Вообще-то не все. Я подумал, что вы сами с ним поговорить захотите.

– Вы правильно подумали. Очень хотим.

– Он сейчас дома. Если есть возможность, поедemте со мной. Я на мотоцикле.

Васин заскочил в кабинет, взял бланки протоколов, и они вышли на улицу. На другой стороне площади Васин сразу заметил Ивана, который ждал надлежащего сигнала светофора.

«Обломался, – ехидно подумал Васин. – Видать, девка оказалась не любительницей утренних разминок».

– Ну, что? – спросил он, когда Иван приблизился. – Мадам сегодня не принимает?

– Не... – беззаботно ответил Гирип. – К ней чего-то мать приперлась.

И вдруг он сделал круглые глаза.

– А ты откуда знаешь?

К счастью, мотоцикл был с коляской и места хватило всем. Доехали с ветерком. Двор того самого дома на Вологодской стал светлее – последняя листва слетела с веток и открыла путь солнечным лучам. Гараж-«ракушка» стоял на прежнем месте, на замке белел размокший листок с печатью. Рядом двое чумазых мальчишек белой эмалью перекрашивали полудохлого кота в тигра. Все было спокойно и мирно, двор будто забыл о страшном и загадочном событии, произошедшем совсем недавно.

Свидетель, которого нашел участковый, оказался похож на ученого или композитора – высокий, косматый, с породи-

стым лошадиным лицом. Впрочем, почти так оно и было – человек этот преподавал историю в музыкальном училище.

– Теперь ты протокол пиши, а я буду разговаривать, – шепнул Иван.

Васин в ответ только пожал плечами.

– Расскажите, Семен Модестович, все, что вы мне рассказывали, – попросил участковый.

Семен Модестович сделал растерянное лицо и развел руками.

– Не знаю... Может, оно вам и неинтересно...

– Нам все интересно, – успокоил его Иван. – Рассказывайте.

– Я в тот день задержался в библиотеке и возвращался домой поздно – часов в одиннадцать, а то и позже...

– Минутку. В какой библиотеке?

– В центральной городской, имени Достоевского. Она сейчас работает допоздна для студентов-вечерников – у них сессия.

– Так, – продолжал Гири́н, – и что вы там делали?

– Где? – изумился Семен Модестович.

– В библиотеке. Имени Достоевского.

– Иван! – укоризненно сказал Васин и покачал головой.

Гири́н смущенно кашлянул.

– Ладно, продолжайте.

– К нам от троллейбусной остановки идти метров триста вдоль улицы. Я смотрю – остановилась машина Эдика Ма-

лютина. Я-то его по-соседски знаю, и машину его тоже сразу узнал. Вдруг из машины вылезает девушка и направляется в обратную сторону. Я, помню, удивился – если он ее к себе домой вез, то почему они не доехали? Почему прямо возле дома она вылезла и пешком обратно пошла? Думал, поспорились...

– А может, она живет рядом? – не удержался Васин. – Он ее подвез, да и поехал себе дальше.

– Нет, ну что вы! Там, где она вышла, никаких домов нет, ближайший – наш. Там только длинный забор кондитерской фабрики. А девушка, как я понял, отправилась на троллейбус – перешла дорогу и... Вот собственно и все.

– Не все, – возразил Иван. – Вы раньше эту девушку видели? Опишите ее.

Лицо Семена Модестовича стало озадаченным.

– Ну... Девушка... Такая... Росту среднего. Волосы вроде светлые. Раньше я ее не видел.

– Такая костлявая, белая и блеклая? – попробовал помочь ему Иван.

– Не-ет, – Семен Модестович энергично покачал головой. – Милая девушка. Стройная и симпатичная.

– М-да? – Иван в замешательстве посмотрел на Васина, почему-то покраснел и полез в бумажник. – Эта?

Фотография была маленькой, черно-белой, с завуалированными уголками – такие клеят в загранпаспорта. С карточки глядели бесстыжие глаза Софьи Курской.

«Где он ее взял? – задумался Васин. – Может, успел вступить в более тесный контакт? Хотя вряд ли, Софья ему не понравилась. Значит, просто спер со стола или холодильника во время нашего визита».

– Да, это она, – кивнул Семен Модестович, – по-моему, она.

Иван еще несколько минут пытал собеседника, пробуя выяснить, не выглядела ли Софья огорченной, не ругались ли они в тот момент с Малютиным, тепло ли они простились. Никакой ясности он не получил. Софья доехала с Эдиком почти до самого его дома, а затем вылезла из машины, сказала «пока» и упорхнула. Как будто знала, что во дворе ждет смерть.

Разговаривать больше было не о чем. Васин попросил учителя расписаться в протоколе, затем они попрощались с участковым и пошли в управление.

– Ну, что, возьмем эту киску за жабры? – спросил Гирич.

– Возьмем. Только не сейчас.

– А когда? По-моему, нужно скорее, пока...

– Пока что? Пока у нас ничего нет? Если мы сейчас зайдем к ней и спросим, почему она обломала приятелю такой хороший вечер, она в лучшем случае пошлет нас подальше. Или придумает, что у нее прямо в машине начались месячные и пришлось прервать свидание.

– И что ты предлагаешь?

– Если она действительно что-то скрыла, нужно накопить

факты. Одного этого случая мало. Нужно выяснить все – встречи, знакомства, звонки. Мы должны обложить ее, как медведя, и тогда никуда она от нас не денется.

– Ты уверен, что у нас будет еще что-то против нее? Сегодня нам просто повезло.

– Зря сомневаешься. Сегодня мы получили свидетельство, которое переводит ее в число подозреваемых. Теперь мы можем применять все средства. Не откладывая, беремся за нее и раскручиваем по полной программе.

– Как скажешь, – пожал плечами Гирин.

– Сегодня у нас есть еще одно важное дело. Я мог бы сходить и без тебя, но боюсь, придется ночью крупно поработать. В 21.00 жду тебя возле Управления.

* * *

Разговаривать с нотариусом Васин пошел один. Дружба дружбой, а «светить» осведомителя он не мог даже перед напарником. Иван остался в соседнем дворе под детским грибочком – начался дождик, а зонта никто не захватил.

– Сиди до упора, – предупредил Васин. – Я могу задержаться, все равно жди.

Степанов открыл ему дверь и кивнул, приглашая заходить. В квартире витал запах «травки», из комнаты доносились приглушенная музыка и женское «хи-хи».

– Извини, поговорим на кухне, – сказал Степанов. – У ме-

ня сегодня люди...

– Понимаю. Если ты не выгнал меня сразу, значит, информация есть, так?

Степанов уселся на табуретку, закурил и насмешливо посмотрел на Васина.

– Если не секрет, – сказал он, выпустив облако дыма, – по какому делу тебе сдался этот Мешалкин?

– Для тебя не секрет. По делу об убийстве Эдуарда Малютина, президента АОЗТ «Максимум».

Степанов задумчиво кивнул.

– Что ж... Ты, может, и близок к истине.

– Это я и сам знаю. Дальше что?

– Дальше? Позавчера один из наших – Леха Сеницын, ты его не знаешь – оформил завещание, по которому «Максимум» в случае смерти Мешалкина переходит в собственность Петра Николаевича Глинского.

– Так, – кивнул Васин, – но этот Петр Николаевич, видимо, «первое колено». А их должно быть больше.

– Нет, это не «колено». Это и есть последняя инстанция. Глинский слишком крупная птица, чтобы быть «коленом».

– В таком случае, это очень неосторожно. Если кто-то пристрелит Мешалкина, все шишки посыплются на Глинского. А он, как я понимаю, любитель быть за кулисами.

– Глупо с твоей стороны обвинять Глинского в неосторожности. Этот человек всегда знает, что делает. Он все на сто шагов вперед просчитывает.

– Ну, ладно, это его дело. Расскажи, что он за человек.

– Пожалуйста. Очень обаятельный, обходительный и образованный человек. Душа любой компании. За полчаса может сделать себя твоим лучшим другом. При этом очень жадный, но осторожный. Профессиональный доставала с кучей связей. Удачно начал крутить дела: когда все стало можно, он первым догадался гонять «Жигули» прямо с завода сюда на продажу. Это сделало его очень богатым.

– С каких же денег он организовал дело?

– Думаю, с народных. Он ведь раньше служил управляющим делами в горисполкоме – считай, главным завхозом города. Ушел со скандалом – не исключено, что крупно проворовался. Я про него много знаю, Леха Синицын про его дела целый час жужжал.

– Так расскажи и мне про его дела, – предложил Васин.

Лучше бы он этого не предлагал. Степанов вдруг насто- рожился, прищурил глаза.

– Ну уж нет, – проговорил он. – Больше ничего рассказывать не буду. Потому что такого уговора у нас не было. Скажу только одно: он вам не по зубам. Даже не пробуй.

– Да что ты! – попытался раззадорить его Васин.

– Не веришь? А вот скажи: раскопали ваши менты хоть один случай «мягкого» рэкета? Не раскопали! Кишка у вас тонка, чтоб такие дела крутить. Вы бритоголовых берете только при передаче денег, а других методов и не знаете. А если нет передачи денег? Если торгашу счет присылают –

десяток тысяч долларов за какую-нибудь «информационную поддержку». И торгаш эти деньги, как миленький, безналом переводит. А если не переводит – ему квартиру сожгут и жёну трахнут. А вы не подкопаетесь, потому что вот официальный счет, вот законное платежное поручение. Разве нет?

– При чем тут это?

– А при том, что Глинский дела похитрее «мягкого» рэкета крутит. И ты можешь хоть сто раз проверять его магазины, которые он держит для прикрытия, ничего не найдешь и ни к чему не подкопаешься.

– Ты хочешь сказать, что мне лучше закрыть дело?

– Смотри сам. Ты ведь опер...

– Ну, хорошо. Этот твой Синицин не упоминал фамилию Коваль?

– Упоминал. Та же самая история. «Терек» тоже наследует Глинский. И автосервис – тоже он. И давай на этом закончим. Меня девчонки жаждали.

Перед тем, как уйти, Васин все-таки не удержался.

– Еще один важный вопрос, – сказал он. – У вас никто не поговаривает, чем был убит Малютин? Уж больно способ интересный.

Степанов возмущенно сверкнул глазами.

– Вообще-то такие вопросы задавать вредно для здоровья, – тихо сказал он. – Я тебе одно могу сказать: это очень большая тайна. Такая большая, что, кроме Глинского, никто ее, наверно, не знает.

Гирин, как договаривались, ждал Васина под грибком. Он был грустный и озябший.

– Ну? – спросил он.

– Нормально. Фамилия заказчика убийства – Глинский. С этой минуты начинаем его раскрывать. Пошли.

Иван легко поднялся, подставил руку под капли. Дождик уже почти выдохся. Они быстро зашагали вдоль газонов двора, и вдруг от стены отделились три угрюмые фигуры. На мгновение уличный фонарь высветил их лица.

– Черт! – сказал Иван, резко остановившись.

– Что?

– Ты драться умеешь?

– Ты уже спрашивал.

Трое неизвестных не спеша приблизились и встали на безопасном расстоянии. Васин видел, как возбужденно блестят их глаза.

– Ну что, Толстый, дождался? – спросил один из них, имея в виду, видимо, Гирину.

– Откуда вы тут взялись? – изумился Иван. – Вы что, следили за мной?

– А это уже не твое дело. Тебе говорили, не суйся. Говорили?

Васин похолодел. Он отлично понимал, откуда они тут

взялись. Видимо, защита от прослушивания на телефоне Степанова оказалась ненадежной, а они открытым текстом договорились о месте и времени встречи. Теперь Васина беспокоила даже не собственная безопасность, а то, что «засвечен» Степанов. Если так – ему уже не жить.

– Выйди на дорогу, – шепнул Иван, – может, поймаешь патрульную машину. Они тебя не тронут.

– У меня пистолет с собой, – тихо ответил Васин.

– С ума сошел?! Не вздумай!

– Чего вы там шепчетесь? – троица начала лениво, но уверенно наступать, заставляя Васина и Гирина делать маленькие, трусливые шажки назад. – Тебя, Толстый, если нормального языка не понимаешь, будем долбить.

– А может, не надо? – попытался возразить Гирич.

– Надо обязательно. Ты слишком шустрый. Далек нос суешь.

Васин почувствовал нелепую обиду. Собственно, почему все стрелки сошлись на Гиричине? Он что, по делу Малютина основной?

– Иди, говорю! – напомнил Иван.

Васин хотел мягко возразить, но один из троих вдруг крикнул:

– А ты иди, мужик! Не лезь. У нас тут свои дела.

«Ничего себе! Как это – свои? – мысленно вскричал Васин. – Я – сыщик, веду дело об убийстве, а меня уверяют, что я тут ни при чем!»

Гирин мягко отстранил Васина за свою широкую спину. Отсюда было трудно наблюдать за происходящим, и Васин прозевал момент, когда началось основное действие. Все как-то неожиданно пришли в движение, замелькали руки, зашаркали об асфальт подошвы, отражаясь эхом от стен домов.

Васин сунулся наугад и тут же почувствовал, как что-то твердое врезалось ему в скулу. Удар пришелся вскользь, и Васин устоял. Он вновь полез вперед, даже успел достать кого-то ногой, но опять что-то с треском ударилось о его лицо, а затем под ногами начала путаться оградка палисадника, он не удержался и рухнул в кусты. Отсюда хорошо были слышны резкие чавкающие звуки, означающие соприкосновения кулаков с челюстями, каблуков с ребрами...

Васин запутался в какой-то бечевке, а когда выбрался, с удивлением обнаружил, что на тротуаре стоит один Иван, потирая костяшки пальцев.

– Все в порядке, – сказал он. – Можно идти.

– Куда идти? А эти где?

– Эти? Ушли.

– Как ушли? Куда ушли?!

– Наверно, раны зализывать. И разговоры говорить. На тему «Если б не моя нога, мы б ему навешали».

– Так надо их хватать! Ты запомнил приметы?

– Зачем приметы? Я их и так всех знаю.

– Знаешь? – проговорил окончательно сбитый с толку Ва-

син.

– Конечно. А что ты так разволновался?

– Ничего себе! Мы расследуем убийство, нам пытаются мешать, натравляют боевиков, а ты их, оказывается, знаешь!

– Какое убийство? – устало проговорил Гирин. – При чем тут убийство? Просто есть одна баба...

– Баба?! – вскричал Васин. – Так это все из-за бабы?

– Я же говорил, это мои дела. А ты что, думал, мафия? От мафии мы так легко бы не отделались.

– Черт! – процедил Васин. – Я только начал с тобой работать, а мы уже вляпались в две истории. Что же дальше будет?

Они вышли на улицу, где горели фонари и прогуливалась молодежь.

– Ну-ка, стой, – сказал вдруг Иван. – Слушай, ну ты хорош! Вся рожа в крови, и рубашка. Ох, говорил я тебе, не лезь.

Васин посмотрел сначала на рубашку, потом на Гирина.

– Да ты и сам-то... Завтра фингал будет, и футболка порвана.

– Как?! – Иван схватился за лицо. – Что, сильно побито?

– Не особо сильно, но все-таки...

– Черт! Значит, и меня задели, сволочи! Как же так?

– Плохо, значит, уворачивался.

– Плохо или не плохо, а три противника – многовато, – проворчал Гирин. – Не мог же я их калечить. Ты, кстати, где

живешь?

– В центре, возле Сбербанка.

– Далековато, – покачал головой Иван. – В таком виде через весь город тащиться – неинтеллигентно как-то...

– А ты где?

– Еще дальше. Щербзавод знаешь?

– Ого! Почти за городом.

– Вот именно. Может, на такси? У тебя деньги есть?

– Хватит до конца квартала – не дальше. Слушай, а пошли к моим родителям. Тут недалеко.

– Недалеко – это сколько?

– Если напрямую, через рошу – полчаса быстрой ходьбы.

– Места хоть безлюдные?

– Я же говорю – через рошу.

– Пойдем, – махнул рукой Гирич. – Только позвони сначала, а то испугаются...

Очень скоро они оказались в абсолютной темноте. Толстые сосны сомкнулись за их спинами, отрезав от огней жилого массива. И только тропинка призрачной серой полоской выделялась из вечернего осеннего мрака. Было жутковато.

– А как тебя на Щербзавод занесло? Это же «сто первый километр».

– Квартиру дали в новом доме. Министерство обороны выделило после сокращения. Повезло, можно сказать.

– Что ж, не могли поближе к центру поселить?

– А мне все равно. Поближе к центру поселились те, у кого звезд на плечах побольше и рука поволосатее. А что, там нормально. Автобус ходит до двенадцати ночи. Обычно больше тридцати минут на остановке не ждешь.

– Ты, наверно, этим и пользуешься. Приглашаешь девушку в гости, а потом ей говоришь: извини, дорогая, автобус больше не ходит, а на такси денег нет. И приходится ей на ночь оставаться.

– Нет, оставить девушку на ночь – не проблема. Проблема – выгнать ее утром.

– Если уж говорить о девушках... – начал было Васин, и вдруг встал, пораженный нехорошей мыслью. – Ну-ка стой!

– Что?! – испугался Иван.

– Насчет девушек... У моих родителей... Короче, там живет моя двадцатилетняя сестра. Я тебя по-хорошему предупреждаю – начнешь крутить ей мозги... Ну, ты понял?

Гирин в замешательстве посмотрел на Васина.

– Да ладно тебе! – с обидой проговорил он. – Сестра друга – это святое. Ты думаешь, я за каждой юбкой тащусь?

– Тащишься или нет, а я тебя предупредил. Пошли.

Иван несколько минут шел молча, переживая, потом не выдержал.

– А красивая сестра?

– На любителя. Стервочка она. Мы с детства с ней спорим и деремся по каждому поводу.

– А ты стрелять не пробовал? Или травить...

– Стой! – вновь воскликнул Васин.

Иван вздрогнул и уже приготовился извиняться, пытаясь сообразить, что он не так сказал. Но на этот раз дело было в другом.

В стороне от тропинки раздался шорох и треск веток. Через несколько секунд там блеснул огонек.

– Что там опять? – прошипел Васин.

– Простите! – донесся до них очень вежливый старческий голос. Луч фонаря резанул по глазам.

– Уберите свет! – заорал Васин.

– Извините...

Из кустов показался невысокий дедушка в резиновых сапогах и выцветшей штормовке.

– Извините, – в очередной раз сказал он и посветил себе на ладонь. – Вы, случайно, не знаете, что это за гриб?

– Что? – Васина почему-то трясло. – Какой еще гриб?

– Ну-ка... – Иван подошел поближе, склонился над стариком. – Похоже на шампиньон.

– Вот и я говорю, – невозмутимо продолжал дед. – Похоже на шампиньон, но они ведь уже отошли? А он как раз под забором рос.

– Выбросил бы ты его, отец, – дружески посоветовал Гирин.

– Пойду, еще посмотрю. Если других не найду – придется выбросить. Извините за беспокойство, молодые люди.

Старик развернулся и растворился в темноте. Через

несколько секунд его фонарик мелькал уже далеко за деревьями.

– Черт знает что! – выругался Васин. – Какие-то грибы, забор... Дурдом! Кстати, если здесь забор, значит, это подстанция. Мы уже почти пришли.

И действительно, через пару минут за деревьями показались огни многоэтажного микрорайона. Вскоре мрачная роща с грибником-полуночником сменилась привычным городским освещением и гулом машин.

Юлька открыла дверь, внимательно оглядела Васина со всех сторон и многозначительно покачала головой.

– Здравствуй, сестричка, – пробормотал Васин. – Познакомься, это Иван, мой напарник.

– Проходите, – с сомнением проговорила сестра.

– А где родители?

– Они сегодня на даче ночуют. К счастью.

Гирин смущенно топтался возле двери, стараясь не поворачиваться к Юльке левой стороной, где медленно распухал подбитый глаз.

– Юля, нам нужно умыться и привести себя в порядок, – строго сказал Васин.

– Я уже поняла. Идите в ванную. Я пока картошку разогрею.

В ванной Иван поспешно повернулся к зеркалу и осмотрел лицо.

– Ерунда, – он облегченно вздохнул. – Через день уже ни-

чего не будет.

Потом придвинулся к Васину и тихо шепнул.

– Слушай... Ничего, что мы так ввалились? На ночь глядя... С такими рожами...

– Перестань. – Васин, усердно отмывал лицо и шею. – Ты мой гость.

– Ну, рассказывай, братик, – потребовала Юлька, когда они сели за стол, на котором уже дымился разогретый ужин, – где это ты так схлопотал?

– Да что рассказывать... Работа у нас такая.

– Да что ты говоришь! Скажи еще, с преступниками дрался.

– Человек, посягнувший на мое здоровье, – авторитетно заявил Васин, – уже преступник. Так что ты совершенно права.

– Лучше признайся, что в пивбаре очередь не поделил.

Васин решил, что это уже лишнее. Он быстро взглянул на Ивана. Тот сидел, оперев взгляд в свою тарелку, и молчал. Чувствовалось, он очень стеснялся, хотя Юлька почти не обращала на него внимания. Лишь иногда косилась на его могучие мышцы.

– Сестричка, ну зачем ты меня перед коллегой компрометируешь?

– Да еще и коллегу с собой затащил, – не унималась Юлька.

– Никуда он меня не тащил, – подал вдруг голос Гирин,

став похожим на провинившегося школьника. – Это я виноват, а он за меня заступился.

Все выглядело так необычно и трогательно, что Юлька даже придержала очередную колкость. Она лишь изумленно покачала головой.

После ужина Васин почувствовал дикую усталость. Он решительно отказался от мысли сегодня куда-то ехать и чем-то заниматься.

– Ночевать здесь остаемся, – сообщил он Гирину.

– Ты что! – Иван сделал страшные глаза. – Неудобно.

– Что-то ты сегодня подозрительно стеснительный. Иди в ванную, а я пока тебе постелю в зале на диване. И не спорь.

Иван вернулся из ванной, когда Васин вправлял подушку в наволочку. Он повесил полотенце на плечо и присел рядом на край дивана.

– Слышь... – нерешительно проговорил он. – А сестричка у тебя...

– Что? – насторожился Васин.

– С норовом. Палец в рот не клади, и все такое. Но ничего. Симпатичная. И фигурка...

– Насчет «палец в рот» и всего остального я тебя предупредил, – сухо отозвался Васин.

– Да нет, ты не думай ничего. Я так. Для меня ухаживать за сестрой друга все равно, что за другом сестры.

– Кто тебя знает.

В этот момент в комнату заглянула сама Юлька.

– Уважаемый коллега, – насмешливо обратилась она к Гирину, – надеюсь, вы не храпите?

Иван покраснел, а Васин буркнул:

– Нет. Только орет и мочится под себя.

Он сказал это совсем тихо, но Юлька услышала.

– Дурак! – и она сердито хлопнула дверью.

Перед тем, как лечь спать, Васин позвонил на работу. Он сообщил все, что узнал про Глинского, и настойчиво попросил к утру приумножить эту информацию любыми имеющимися средствами.

Затем он лег в кровать и почти сразу отключился. День был нервным и утомительным, поэтому Васину тут же приснился какой-то идиотский сон. А потом его вдруг как подбросило.

Он открыл глаза, присел на кровати. В квартире было беспокойно. Какой-то посторонний звук...

Он тихо выбрался в коридор и увидел, что в зале, где должен был спать Гирин, горит свет. Из-за дверей доносился приглушенный голос Юльки.

«Так! – со злостью подумал Васин. – Уже снюхались, голубки! А говорил – сестра друга, друг сестры...»

Он заглянул в щель. Гирин все так же скромно сидел на уголке дивана, и даже полотенце по-прежнему болталось у него на плече. Рядом расположилась Юлька, на коленях она держала семейный фотоальбом.

– ...А это мы в Анапе. Мы там всей семьей отдыхали, ко-

гда мне было двенадцать лет. Я помню, на пляже на стекло наступила и ногу порезала. А он меня два километра на руках нес и успокаивал...

Кто это он?

Потом Васин понял, что речь идет о нем самом. Действительно, было такое...

– А это он присягу принимает. А здесь – на даче, все вместе. Это он в Северной Осетии, – продолжала Юлька, листая альбом. – Он туда на два месяца ездил, когда там война началась. Знаешь, как мы за него боялись! Я каждую ночь плакала и обещала себе никогда с ним больше не ругаться. У меня брат очень хороший, я его очень люблю. Он такой добрый, умный. И смелый. Помню, один раз...

Васин отошел от двери и прислонился к стене, чувствуя предательское покалывание в глазах.

«Ну вас к черту, – подумал он. – Взрослые люди, разбирайтесь сами». Он тихо вернулся в кровать и через минуту уснул.

* * *

На следующее утро Иван проснулся раньше всех и сразу побежал к зеркалу. От вчерашнего синяка, к его огромной радости, почти ничего не осталось. Легко отделался и Васин – у него только слегка распух нос. В веселом настроении они оделись, позавтракали и поехали в Управление. О вчераш-

нем разговоре с Юлькой Гирин не сказал ни слова.

Михалыч выглядел утомленным и злым. Васин ему так и сказал.

– А что ты хочешь! – воскликнул начальник. – Вчера до трех ночи сидел тут по твоей милости. Глинского проверял – между прочим, твою работу делал. Интересно, почему ты сам не соизволил подъехать?

– Извини, Михалыч, была маленькая накладка.

– Вижу я твою накладку. На носу она.

– Не будем вдаваться в подробности, – деликатно предложил Васин. – Что удалось выяснить?

– Да почти ничего. Глинского сейчас в городе нет, он в Москве, – Михалыч бросил Васину компьютерную распечатку. – Здесь данные по прописке, имуществу и прочая мура. В налоговых органах толковых данных на него нет. За ним только пара нарушений административного характера. И вообще, нигде ничего на него нет. Святой он.

– Я и не сомневался.

– Правда, кое в чем нам повезло... Одна из его девок оказалась нашим человеком.

– Интересно...

– Да в общем, ничего интересного. Она сказала только, что у него очень скромная квартирка, никакого криминала там нет, а главное – никаких разговоров о делах. Все встречи и разговоры происходят на даче.

– На даче, – задумался Васин.

– Да. И фоторобот «цыгана» она тоже не опознала.

– Дача легальная? – поинтересовался Васин.

– Конечно, нет. Записана на какого-то... Не помню, там в распечатке есть. Адрес тоже есть: Красный Городок, улица Гагарина и так далее...

Васин встал, подошел к окну и крепко задумался. Иван участия в разговоре не принимал. Он сегодня пребывал в каком-то оцепенении – Васин подозревал, что под впечатлением от его сестры.

– Что ты там притих? – спросил начальник.

Васин развернулся и решительно посмотрел Михалычу в глаза.

– Мне нужна санкция на обыск дачи.

Михалыч даже привстал.

– Ты рехнулся? С какой стати?

– С такой, что... В конце концов, мы расследуем убийство, а не кражу трусов из раздевалки.

– И что? Назови мне хоть один реальный факт причастности Глинского к этому делу.

– К двум делам, Михалыч. Не забывай про Рафика Мамедова.

– Про Рафика пока забудь. Разберись сначала с Малютинным, а потом будешь раскручивать дальше. Ты, кстати, не ответил...

– Все факты сам знаешь. Убиты хозяева двух предприятий. Предприятия перешли к Глинскому – оба. За символи-

ческую сумму. Что еще надо?

– Это не факты. Это агентурная информация, которую к делу не подклеишь. Да если бы и не агентурная, все равно это не более чем косвенные улики. Не основание для обыска. У тебя напарник следователь прокуратуры, спроси у него, если мне не веришь.

– Что? – вздрогнул Иван.

– Этот лопух хочет провести обыск на даче Глинского. Как-ково!

– Да, хорошо бы... – отстраненно кивнул Гирин, не задумываясь о сути разговора.

– Михалыч, пойми, мне очень нужно! – настаивал Васин. – Да, я знаю, что оснований для получения санкции нет, но на то ты и начальник, чтобы устроить все без оснований. Я же знаю, у тебя нормальные отношения с прокурором. Неужели ради такого дела он нам не поможет?

– А если не поможет? Это, между прочим, незаконно, и ему придется отвечать. И потом, что ты собираешься там найти? Склад оружия? Или воспоминания «Как я убирал конкурентов»?

– Не знаю. Что-то должно быть. Я чувствую.

– Чувствую... – презрительно повторил Михалыч. – Ладно. Зайди после обеда. Может, что-то придумаем.

– Михалыч, это нужно немедленно!

– Ничего не выйдет. Прокурор сейчас на совещании в городской Управе вместе с заместителем.

– Значит, нужно достать его с совещания.

– Ну, хорошо. Я тебе позвоню, если получу согласие на обыск.

– В машину, – добавил Васин.

– Что?

– Ты позвонишь нам в машину. Мы прямо сейчас едем в Красный Городок, встанем возле дачи и будем ждать звонка. А когда дождемся – сразу начнем действовать.

– Какая машина? – насторожился начальник.

– Твоя, Михалыч, твоя. В других ведь телефонов нет. А рация туда не добьет.

– Черт бы тебя побрал, Васин, – пробормотал Михалыч. – Твоя наглость не имеет предела.

– А разве не за это меня здесь до сих пор держат?

– Бери машину и убирайся. Видеть тебя не могу.

* * *

Водителя Васин нашел, конечно, в кабинете у Тотошки.

– Собирайся, Жора. Едем в Красный Городок.

Тот с неудовольствием слез со стула, загремел ключами в кармане.

– Александр Николаевич, а что за дело вы сейчас ведете? – спросила вдруг Тотошка. – Все говорят, что-то очень такое...

– Очень дурацкое?

– Нет-нет. Скорее, очень странное...

– Очень странное, – согласился Васин. – Я уже точно узнал, что убийство совершили инопланетяне. И теперь они готовят вторжение на Землю.

– Как?! – ахнула секретарша.

– Да-да! Завтра еду на космодром и вылетаю вместе с ОМОНОм им навстречу. Будем задерживать.

– Да кого ты слушаешь! – вскричал Жора. – Врет, как всегда!

* * *

В машине Иван, наконец «проснулся» и начал крутить головой.

– Куда едем-то?

– Ты еще не понял?

– Я прослушал.

– В женское общежитие.

– Я так и знал.

Добравшись до Красного Городка, они заехали сначала в местное отделение милиции и на всякий случай взяли с собой участкового – немолодого уже старлея по фамилии Сбруев.

– Фуражечку сними, – сразу попросил его Васин. – Ни к чему нам показывать наше милицейское происхождение.

– Может, заедем ко мне, я в штатское переоденусь?

– Да ладно уж, не надо.

Дача Глинского представляла собой не слишком большой, но симпатичный двухэтажный домик из облицовочного кирпича. Красный Городок был не совсем дачным поселком. Дома здесь стояли основательные, с газом, водой, светом. Некоторые хозяева жили тут постоянно, другие приезжали только на лето. Но всех их объединяло одно: поселок считался в городе престижным местом, и дома в нем принадлежали не самым бедным людям.

Васин велел Жоре остановиться в ста метрах от дачи, возле магазина.

– Все, – сказал он. – Теперь только наблюдаем и ждем.

– Чего ждем? – поинтересовался Иван.

– Михалыч в эту минуту добивается санкции на обыск дачи Глинского. Как только добьется – позвонит сюда. Тогда берем ноги в руки и переворачиваем здесь все вверх дном.

– Что будем искать?

– Все. Оружие, наркотики, взрывчатку, порнуху – все, что наказуемо. Нам бы только взять этого Глинского за ягодицу, а там уж мы его раскрутим.

Иван вдруг начал ерзать на месте.

– Чего тебе не сидится? – спросил Васин.

– Думаю, может, в магазин сходить? Булочку купить или шоколадку. Что-то есть хочется.

– Сиди. Тебя Юлька разве плохо накормила?

Иван смутился и успокоился.

– Помню, раз выезжали мы на кражу в магазине, – подал голос Жора. – Тоже все есть хотели – дело перед обедом было. Сделали осмотр, опись, все как полагается. А время идет, желудок поджигает... Так вот, все, что воры не унесли, – мы же и доели.

– Повезло вам, – вздохнул Васин и повернулся к Ивану. – Слышь, что тебе человек говорит? Будем делать обыск, не забудь заглянуть в холодильник. Может, чего и перепадет.

– Да ну... – сморщился Иван. – Там небось только икра да осетрина. У меня от этих деликатесов животик пучит.

– Видать, зажрался...

– Это как в анекдоте, – включился в разговор участковый Сбруев. – Приходит депутат к врачу и говорит: доктор, помогите, я ем красную икру и какаю красной икрой. А тот ему: вы попробуйте, как все, – ешьте дерьмо и какать будете дерьмом.

Все кисло улыбнулись. Васин вдруг заметил, что за забором дачи кто-то зашевелился.

– Это еще кто? Насколько я знаю, хозяин сейчас в Москве.

– Охранник, – ответил участковый, зевнув. – Он тут почти живет. Через неделю сменится – приедет другой.

– Ну-ка... – Васин полез в бардачок, где, как он знал, у Михалыча всегда лежал бинокль.

– Что видно? – спросил Иван.

– Действительно, охранник, – начал комментировать Васин. – Одет в камуфляж. На ремне кобура. Зубы золотые...

Лицо дебильное. Безднадежно дебильное. Глазки злые, но не очень.

– Дай посмотрю, – Иван потянулся за биноклем.

Из-за угла выкатилась машина – УАЗ-«буханка» с глубокомысленной надписью «Специальная» на боку. Она остановилась рядом с дачей, загородив калитку.

– Еду привезли, – пояснил участковый и опять зевнул. – Она к ним раз в три дня приезжает.

– Черт... – проворчал Гирип. – Весь обзор закрыла.

– А там и смотреть нечего. Коробки носят – вот и все.

– Сколько же они жрут, – возмутился Иван, – если у них целая машина с коробками!

– Так ведь машина не только для них. У нее свой маршрут – здесь много домов на обслуживании из города.

– Дай-ка номер запишу. Вернемся – проверим, чья машина.

Вскоре фургон уехал. Охранник долго глядел ему вслед через прутья решетки, затем ушел в дом.

Иван открыл рот, чтобы что-то сказать, но его оборвало блекотание радиотелефона. Васин схватил трубку, едва не оторвав шнур.

– Да! Я слушаю! Михалыч, ну что?

Лицо Васина вдруг стало скучным.

– Да? – вяло сказал он. – Понятно... Ну, ладно... Буду думать.

– Облом? – догадался Иван. – Я так и знал.

Васин вздохнул. Михалыч сказал ему «нет». Не было смысла спрашивать, почему. Если Михалыч говорил нет, значит – нет. Значит, он использовал все свои возможности, влияние и аргументы. Нет – значит нет, и ничего уже не поделаешь.

– Ну, что, по домам? – подал голос Жора, потягиваясь.

– Подожди, – Васин сосредоточился. – Охранник был в камуфляже, так? А охранным агентствам сейчас запрещено носить камуфляж, они должны иметь свою форму. Значит, он работает сам по себе. Это хорошо...

– Почему хорошо?

– Потому что он наверняка не знает своих прав. С профессионалами такие штучки не проходят, а с этим барбосом можно попробовать.

– Какие штучки-то? – всполошился Иван.

– Такие. Обыск нам делать не разрешили, значит сделаем досмотр. Имеем полное право.

Через две минуты, после того, как Жора подрулил прямо к даче и посигналил, во дворе снова мелькнула пятнистая шкура охранника. Он подошел к калитке и, взявшись обеими руками за прутья, подозрительно посмотрел на гостей сквозь решетку.

Васин опустил стекло, высунул голову.

– Эй, охрана! У меня две новости – одна хорошая, другая плохая.

– Чего? – охранник нервно пошевелил ноздрями.

– Начну с плохой. Ты в этой клетке очень похож на орангутанга.

– Чего?

– А теперь хорошая новость: можешь полчаса отдохнуть, пока мы здесь, – Васин помахал удостоверением. – Мы из милиции, нам нужно осмотреть дом.

Он быстро вылез из машины, потянув за собой Ивана.

– Зачем? – Охранник еще сильнее вцепился в прутья калитки, и его бульдожьих глазки беспокойно забегали.

– Вопросы задаем мы! – Васин постарался сразу пресечь возможные возражения. – Итак, во-первых, ваша фамилия, во-вторых, ваше разрешение на оружие, в-третьих, ваша лицензия на охранную деятельность. Ну?

– Газовый, – проговорил охранник, сбитый с толку столь стремительным натиском.

– Что?

– Пистолет. И разрешение есть.

– И в-четвертых, – продолжал гнуть свое Васин, – у нас есть информация, что в этом доме прячется лицо, находящееся в розыске. Мы думаем, оно только что подъехало на автомобиле УАЗ.

– Да здесь нет никого! – изумился охранник. – Только я. А на машине хавку привезли.

– А вот мы сейчас и посмотрим. Открывай ворота, если не хочешь, чтобы через полчаса здесь был ОМОН.

Это был, конечно, блеф. Никто не имел права вламывать-

ся на дачу без санкции прокурора или разрешения хозяина. Охранник мог запросто послать визитеров куда полагается и идти себе спать дальше. Но Васин знал – богатые платят большие деньги телохранителям, но экономят на сторожах. Дешевые, взятые с улицы сторожа редко разбирались в тонкостях юридических процедур. И слово «ОМОН» зачастую действовало на них, как свист кнута.

Охранник поколебался еще несколько секунд и загремел засовом. Он сам пустил гостей в свои владения, даже не записав их фамилий и должностей. Все законно. А то, что охранник дурак, – так это проблемы его хозяина.

Досмотр производили по методике «Баба с возу – кобыла к деду». Пока участковый на первом этаже беспокоил охранника вопросами типа «нет ли кого в этой тумбочке», Васин с Гириным быстро проверяли верхние комнаты, открывали шкафы, заглядывали в антресоли.

Домик был обставлен достаточно богато, хотя и без лишней роскоши. Мебели было много, и пришлось повозиться. Приятно удивляло отсутствие всякого старья, которое обычно складывают на дачах владельцы. Вещи были новые, еще вполне носимые, посуда чистая, иногда даже в нетронутой упаковке. Из аппаратуры – только телевизор и недорогой музыкальный центр.

Однако ничего криминального найти не удавалось. Похоже, дачу использовали просто как нейтральную территорию для встреч и отдыха. Васин старался не думать о последстви-

ях их бесшабашного вторжения, хотя последствия были ясны: сегодня же Глинскому станет известно, что им интересуется милиция. И он ляжет на дно – спрячет все и всех, кто может его компрометировать, обезопасит себя любыми мыслимыми методами.

Когда участковый увел охранника на второй этаж, Иван продолжил поиск на первом, а Васин отправился осматривать хозяйственный сарайчик. Он прошел по дорожке, мощенной большими металлическими дисками, и распахнул дверь. Из полумрака начали вырисовываться очертания банок с краской и садовыми химикатами, стопки штакетника, справа белел пластиковый корпус биотуалета. На полу тяжелой грудой лежали железные диски – такие же, как и на дорожке. Васин заметил, что с одной стороны каждый диск имел ручку наподобие дверной. Похоже, это были крышки каких-то люков, добытые по случаю и используемые для подсобных нужд.

Васин отодвинул ногой груды садового инструмента, проверяя, не прячется ли там хотя бы хреновенький обрез. Увы, все было чисто и законно. Васин поздравил себя с блестящим провалом и собрался было идти вон, но взгляд его случайно переместился в угол, где на гвозде болталась старая одежда.

Сверху висел пиджак. Это был очень странный пиджак – и по покрою, и по ткани. Он казался то ли затертым до блеска, то ли заведомо блестящим. Такой одежде было место в

костюмерной фокусника или конферансье, но не в дачном сарае.

Васин тронул ткань кончиками пальцев. Материя оказалась скользкой и прохладной на ощупь. Он провел по ней рукой и тут же нащупал что-то твердое.

Воровато оглянувшись Васин запустил пальцы в карман. Там лежал небольшой пластиковый фотоальбом с двойными прозрачными страницами – такие продаются в любом магазине «Кодак». Васин открыл его и повернул к свету.

Это была победа. Он наконец нашел нечто, заслуживающее внимания. Ради этой находки стоило устраивать спектакль с осмотром дома.

«Спокойно, – сказал он себе, засовывая альбом под рубашку. – Разберемся с этим позже. А теперь пора убираться».

Он позвал Гирина и участкового, сказав им, что пора домой. Про альбом он пока помалкивал, следовало все хорошо обдумать.

На обратной дороге Васин сидел тихо, лишь иногда трогал свою находку под рубашкой, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

На первой же странице он видел фотографию Софьи Курской. Васин не стал листать дальше, но и этого было вполне достаточно. Сам факт обнаружения фотографии девушки на даче Глинского говорил об их связи, пусть даже односторонней. Альбом казался Васину тем самым оружием, которым

можно было припереть к стенке обоим подозреваемых. Как знать, может, на других страницах их ждут новые сюрпризы. Например, снимок, где Софья и Глинский сидят обнявшись на каком-нибудь пикнике. А что, может, девчонка также уходит в наследство Глинского?

Васина не волновало даже, что альбом изъят без понятых и протокола. В конце концов, его можно тайком вернуть обратно, а затем разыграть новый спектакль с изъятием. Сейчас самым верным было поработать с каждой фотографией, скопировать, провести некоторые закулисные мероприятия, подстраховаться от неожиданностей.

Гнетущую тишину в машине вдруг нарушил Сбруев.

– У меня есть одна мысль, – робко сказал он.

– Ну?

– Вы видели, там на террасе в коробке стоят пять бутылок водки. Водочка-то московская – самая дешевая и дрянная. Местные господа такую не пьют.

– Так, может, она для охранника?

– Охранник тоже не дурак насчет выпить. Дело тут в другом. В каждом дачном поселке есть свои бомжи. Господа или приказчики их время от времени привлекают на общественные работы – копать, полоть и так далее. И этой водкой с ними расплачиваются.

– Предлагаешь нам пошпионить там под видом бомжа? – спросил Гирин.

– Нет. Предлагаю найти одного из этих бомжей и потол-

ковать. Они много видят и много знают.

– А где их искать?

– Тут недалеко есть бомжатник. Правда, мы это место уже проехали, придется возвращаться.

– Если надо – вернемся, – сказал Васин. – Жора, разворачивайся.

Они съехали с дороги и некоторое время продвигались по полузросшей стежке в зарослях, где ветви били по лобовому стеклу, а машина едва ли не впритирку проходила между деревьями.

Скоро деревья сдвинулись еще плотнее, побеспокоенная желтая листва слетала с веток и липла на капот. Неожиданно впереди появилась кирпичная стена.

Это была простая постройка, очень старая, треснувшая, но обитаемая. Вряд ли кто мог догадаться, зачем ее воздвигли в лесу, но она стояла здесь, слепо глядя квадратными окнами, заделанными картоном и полиэтиленом.

Участковый отважился войти первым.

– Хозяева! – крикнул он и откинул грязный брезент, заменявший дверь.

Васин шагнул вслед за ним. Внутри оказалось достаточно света, чтобы разглядеть изготовленный Бог знает из чего стол и сидящего перед ним человека – небритого, но довольно пристойно одетого и чистого. Он был похож скорее не на опустившегося бомжа, а на замученного женой и работой пролетария.

– О, знакомые все лица! – воскликнул Сбруев. – Здравствуй, Тюлень. Завтракаешь?

– Ага, – растерянно ответил Тюлень и кивнул на стол, где на газетке зеленела кучка мелких, на вид невкусных яблок и стояла трехлитровая банка с водой.

Васин окинул быстрым взглядом жилище. Он увидел ржавую печку, найденную, вероятно, где-то на помойке, три матраса на полу, груды разного случайного хлама – от прохудившегося ведра до разбитого радиоприемника. Вдоль одной из стен тянулись импровизированные полки, на которых стояло неисчислимое множество всяких баночек, пузырьков, бутылочек – как в аптеке.

Хозяин этого помойного богатства растерянно смотрел на гостей, не понимая, за что ему оказана такая честь.

– Допрыгался, Тюленев, – сказал участковый. – Из уголовного розыска за тобой приехали. Собирайся.

– П-п-почему? – выдавил хозяин «квартиры».

Васин хотел было объяснить, что участковый шутит, и им нужно просто поговорить, но Сбруев тактичным жестом попросил его молчать. Видимо, знал, как нужно разговаривать с местной публикой.

– Не хочешь? – продолжал Сбруев.

– Не-ет. – Тюленев встал, подался назад.

– Мы можем и здесь поговорить, но только если будешь хорошо отвечать на вопросы. Начнешь темнить – поедешь с нами.

– А что рассказывать-то?

– Сейчас поймешь. Дачку двухэтажную на Гагарина знаешь?

– Возле магазина? Как не знать!

– Значит, бывал там?

– Часто. Только позавчера ботву косил, забор выправлял.

– Вот и расскажи товарищам, что ты там делал и что видел.

– Постой, – тихо сказал Васин участковому и шагнул вперед. – Я сам с ним поговорю.

Он достал фоторобот «цыгана».

– Вопрос первый: это лицо знакомо?

Тюленев прищурился.

– Видел, – сказал он, наконец. – Кажется, видел. Лицо не совсем похоже, но глаза один в один запомнил.

Васин молча протянул Гирину папку, и тот, быстро обо всем догадавшись, достал чистый бланк протокола и авторучку.

– Рассказывай, – продолжал Васин. – Кто он такой, что тут делал и откуда появился.

Напористый тон Васина испугал бомжа не меньше, чем ведение протокола. Он попытался было отпираться:

– Да я только один раз видел...

– Рассказывай, – настоял Васин.

– Рассказывай, – повторил Сбруев и многозначительно покачал головой.

– Чего рассказывать-то?

– Тебя спросили – что он тут делал?

– Ну, что... Поел, поспал... Потом уехал на машине куда-то.

– Когда это было? Что у него было в руках, как он был одет?

– Да не помню я, как одет. Он только разок на крыльцо вышел и сразу обратно. А было это... Может, с месяц назад.

– Кто его сюда привез, на чем? Откуда он вообще взялся.

Тюленев вдруг побледнел и растерянно захлопал глазами.

– Это... Взялся он... Из этого... Из сарая вышел! – он развел руками, как будто извиняясь, что сказал такую глупость.

– Тюленев, я предупреждал... – напомнил участковый.

– Да я и сам... Смотрю через деревья – идет какой-то мужик из сарая. Я хотел Валеру – охранника кликнуть, а тот и сам ему навстречу. Поздоровались, пошушукались – и в дом.

Гирин в замешательстве посмотрел на Васина. Тот махнул рукой – пиши.

– Так может, он через калитку зашел? – предположил Васин. – Потом забежал в сарай по нужде, а ты и не заметил.

– Нет. Я бы заметил. Мне калитку оттуда хорошо видно. Да и скрипит она.

– Слушай, а ты трезвый был? – поинтересовался Сбруев.

– Ни в одном глазу! – Тюленев неистово постучал кулаком в грудь. Потом он нагнулся вперед и заговорил шепотом. – А еще раз было, приехал один мужик. Посидел в доме и в

сарай пошел. И все! А уже вечер был, мне закрывать надо. Я ждал, ждал, потом стучусь, говорю, извините, мол, товарищ, выходит пора. Открываю – а там никого.

– Так ты небось отвернулся, а он тем временем и вышел, – сказал Васин.

– Не выходил! Ей-Богу, не выходил! Я же сидел, ждал его, мне закрывать надо было и ключ Валере отдать.

Сбруев шумно вздохнул.

– Нет, Тюлень, тебе определенно пить пора бросать.

– Не пил, ни грамма в рот не брал! – еще больше распался бомж. Затем снова повернулся к Васину. – Ну так вот. Они тут все про какие-то переноски толковали. Я сначала не слушал – что, думаю, мне за дело. А потом понял – это они про такие круглые железки с ручками. Их в сарае много скопилось, я Валере и говорю – давай дорожки ими укладем, чтоб культурно было. Он мне – надо хозяина спросить. Потом говорит – делай, что хочешь, они уже ненужные. Я иду в сарай, открываю – а там... – Тюлень испуганно покосился на участкового, потом очень тихо сказал Васину, – там переноска в воздухе летает!

Васин слушал, не затрудняя себя комментариями. Сначала всегда нужно внимательно выслушать. Обсудить и посмеяться можно потом.

– Висит в воздухе, честное слово! А под ней – другая на полу лежит. А между ними – свет! Во всем сарае светло. Я оробел и бегом оттуда. Потом тихо подхожу, глянул, дверь

открывается и выходит – поп! Вот чем хочешь забожусь – поп! В рясе, с крестом, ну, правда, без бороды и молодой какой-то. Посмотрел на меня, ничего не сказал и дальше пошел, в дом. Дверь не закрыл, и мне видно – переноска еще висит, а света уже мало. Потом свет совсем потух, и она на пол свалилась. Я потрогал – тепленькая.

– Определенно, Тюленев, ты и сам тепленький был, – не унимался участковый.

– Трезвый!

– Да ладно...

Васин обернулся к Гирину.

– Ты все записал?

Иван с легкой улыбкой покачал головой.

– Как он дорожки железом мостил – написал. А дальше не стал.

Правильно, подумал Васин. Пусть в протоколе будет только одно – «цыгана» видели на даче Глинского. Еще одна улика – остальное пока неважно.

– Возьми с этого парня данные, – сказал он, – и пусть распишется. Я пока выйду на воздух. Что-то у меня в желудке заурчало от этих басен.

Васин выбрался из будки, поспешно полез за сигаретами. Весь бред, что он услышал от Тюленева, был передан так неподдельно искренне, что ему стало не по себе.

Участковый прикурил от его зажигалки, сплюнул на усыпанную хвоей и мусором землю.

– Вот чудило! – сказал он. – Надо ж такого наговорить!

– Да, – вяло согласился Васин и поправил под рубашкой альбом, чтоб ненароком не потерять.

Через пару минут вышел Иван.

– Странные у вас бомжи, – сказал он участковому, – с паспортом и даже с местной пропиской.

– Да они не совсем бомжи. Одного жена из дому выгнала, другой просто свободы захотел, третий еще что-то... Тут раз даже два хиппи какие-то ночевали. А сейчас по осени они все по домам разбегутся. Здесь скоро холодно станет...

* * *

– Нашли что-нибудь? – строго спросил Михалыч, когда Васин предстал перед его очами.

– Ничего! – гордо отрапортовал Васин.

– Поздравляю. Как собираешься отмазываться, если хозяин поднимет шум?

– Да никак. Ты начальник – ты и отмазывай.

– Черт бы тебя побрал, Васин. Ну, неужели совсем ничего?

– Не совсем. Мы нашли человека, который видел «цыгана» на даче Глинского. Это зафиксировано в протоколе его подписью. И он готов подтвердить это на опознании.

– Уже кое-что, – заинтересовался Михалыч. – Еще?

– Больше ничего, – уверенно ответил Васин, хотя завет-

ный альбом по-прежнему согревал его под рубашкой.

– Иди, пообедай, потом приходи. Подумаем, как действовать дальше.

* * *

Однако в этот момент обед Васина не интересовал. Он прошел в свой кабинет и заперся там – почему-то никого не было, и прятаться в буфете не пришлось.

Затем он медленно, спокойно, стараясь не суетиться, сел за стол, закурил, и открыл альбом.

В следующую секунду его лоб покрылся испариной. На фотографии была не Софья! Там, в полумраке сарайчика, у него не было возможности разглядывать детали, но сейчас он ясно видел – женщина на снимке была просто очень похожа на Софью, но не более того. Она была красивей, эффектней, а главное – старше Софьи. Васин допускал даже, что это ее мать, потому что сходство не казалось случайным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.